А. Ветуховъ.

„А. А. ПОТЕБНЯ".

† 29 ноября 1891 г.

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника".

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа,
Краковское Предмѣстье, № 3.

1898.

А. Ветуховъ.

„А. А. ПОТЕБНЯ“.

† 29 ноября 1891 г.

Оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника“.

ВАРШАВА.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа,
Краковское Предмѣстье, № 3.

1898.

Дозволено Цензурою.

Варшава, 21 апрѣля 1898 года.

Александръ Аѳанасьевичъ Потебня́.[1]

(† 29 ноября 1891 года).

„Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья“ . . .
Баратынскій.

Статья эта не преслѣдуетъ задачи дать что-нибудь новое о жизни проф. Потебни, освѣтить дѣятельность и труды его съ неизвѣстной до сихъ поръ, оригинальной точки зрѣнія. Цѣль ея гораздо скромнѣе — быть одной изъ тѣхъ капель, которыя, по пословицѣ, точатъ камень „non vi, sed saepe cadendo“. А камень этотъ великъ и слабо поддается воздѣйствіямъ; это — привычка мысли течь по разъ проложенному руслу, итти торной дорогой, — привычка могучая и сама по себѣ, а въ школѣ нашей, гдѣ идеямъ Потебни необходимо начать жизнь возможно скорѣе, закрѣпляемыя еще цѣлымъ рядомъ побочныхъ обстоятельствъ. Взгляды Потебни, его мысли, научныя теоріи и открытія настолько важны и глубоки, что обнародованіе ихъ и широкое распространеніе должно внести свѣжія струи свѣта, жизни въ исторію литературы, въ художественную критику, въ область искусства

---

[1] „По-тебня́“, мн. „по-тéбни“, то же, что „тебеньки“ — кожаныя лопасти по сторонамъ козацкаго сѣдла“ (*Потебня*, Къ исторіи звуковъ“, IV, 49).

вообще и даже въ современную философію, не говоря уже о спеціальныхъ областяхъ знанія, въ которыхъ покойный профессоръ былъ полнымъ властелиномъ.

Къ сожалѣнію, широкая публика все еще мало ознакомилась, мало поняла и оцѣнила этого глубокаго мыслителя и выдающагося современнаго ученаго. Поэтому намъ кажется не лишнимъ пересмотрѣть еще разъ и по возможности свести воедино то, что сдѣлано почитателями и учениками покойнаго профессора въ указанномъ направленіи и такимъ образомъ способствовать расширенію круга знакомыхъ съ личностью, дѣятельностью и трудами Потебни, вростанію въ жизнь этихъ свѣтлыхъ идей, во многомъ поворачивающихъ вдумчиваго читателя на новый путь, ведущій въ глубины человѣческаго духа.

Начнемъ съ біографіи Потебни, такъ какъ она освѣтитъ многое въ изслѣдованіяхъ покойнаго профессора и намѣтитъ пути, какъ росла и крѣпла эта могучая, талантливая личность, увлекаемая неутомимой жаждой правды, свѣта. Чтобы сразу же познакомиться съ характернымъ складомъ рѣчи покойнаго, послушаемъ, какъ онъ самъ говорилъ о своей жизни [1]):

„Родился я въ Роменскомъ уѣздѣ Полтавской губ. [2]), дворянинъ. Учился сначала въ радомской гимназіи (въ

---

[1]) Попутно будутъ сдѣланы нѣкоторыя дополненія, большею частью по статьѣ Б. М. Ляпунова „Памяти А. А. Потебни", иногда и по другимъ матеріаламъ, частью также по личнымъ воспоминаніямъ.

[2]) Въ родовомъ имѣніи своихъ родителей (Афанасія Ефимовича и Маріи Ивановны, урожденной Марковой) — Перекоповкѣ, 10 сентября 1835 года. — Отецъ Потебни въ молодости былъ въ военной службѣ; оставивъ ее, жилъ большею частью въ своемъ имѣніи. А. А. очень рано разстался съ семьей: 7 лѣтъ онъ поступилъ въ радомскую гимназію, и съ этой поры до поступленія въ университетъ не былъ въ родномъ домѣ.

бывшемъ Царствѣ Польскомъ, гдѣ дядя мой по матери былъ учителемъ. Въ 1851 году, несполна 16 лѣтъ, поступилъ въ харьковскій университетъ (потому что въ немъ въ 20-хъ, 30-хъ годахъ кончило курсъ трое моихъ дядей по матери), на юридическій факультетъ.

„Однокашники познакомили меня съ Мих. Вас. Нѣговскимъ, тогда медикомъ 5-го курса, любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. Нѣкоторыя думы, записанныя имъ, напечатаны у Антоновича и Драгоманова; но, кажется, большая часть его собранія, сколько помню, по виду очень объемистаго, затеряна. Въ завѣдываніи Нѣговскаго была небольшая библіотека, состоявшая изъ сочиненій на малорусскомъ языкѣ и относящихся до Малороссіи. Этою библіотекою я пользовался, что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія.

„Въ слѣдующемъ году, отчасти по совѣту Нѣговскаго, я перешелъ на историко-филологическій факультетъ и тогда же поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Окончилъ въ 1856 г. кандидатомъ и утвержденъ въ этой степени по представленіи диссертаціи „Первые годы войны Хмельницкаго“ (по Пасторія „Bellum scythico-cosacicum“, по Величку и народнымъ пѣснямъ). Сочиненіе это не напечатано. — Какъ казеннокоштный студентъ и за неимѣніемъ незанятыхъ учительскихъ мѣстъ, былъ назначенъ комнатнымъ надзирателемъ въ 1-ю харьковскую гимназію. Черезъ полгода я получилъ возможность замѣстить себя на службѣ другимъ, отказавшись отъ жалованья (по нынѣшнему ничтожнаго: 223 руб. съ коп.), и, по совѣту П. А. Лавровскаго, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену по славянской филологіи. До этого я не думалъ ни о систематическихъ занятіяхъ, ни о профессурѣ. Выдержавъ этотъ экзаменъ, благодаря снисходительности П. А. и Н. А. Лавровскихъ, я оставленъ былъ при университетѣ. Первыя мои печатныя произведенія: „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной

поэзіи“ [1]) и „Мысль и языкъ“.—Это было, какъ извѣстно, время, когда, послѣ долгаго перерыва, стали заботиться о пополненіи университетовъ новыми преподавательскими силами. Я былъ въ числѣ первыхъ, отправленныхъ изъ харьковскаго университета за границу въ 1862 г. Воротился черезъ годъ. Затѣмъ до защиты докторской диссертаціи [2]) „Изъ записокъ по русской грамматикѣ. I и II“, въ 1874 г. былъ доцентомъ, затѣмъ экстра-ординарнымъ и ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ русскаго языка и словесности“.

Этимъ собственно и исчерпываются чисто біографическія данныя, сообщаемыя самимъ Потебней; продолжать описаніе внѣшнихъ фактовъ его жизни будемъ по различнымъ, уже обнародованнымъ матеріаламъ, а затѣмъ

---

[1]) Которое и послужило магистерской диссертаціей, защищенной въ Харьковѣ 22 іюня 1860 г. — Съ этого времени А. А. назначается адъюнктомъ харьковскаго университета, при чемъ съ 1861 г. на него возлагаются теоретическія занятія съ кандидатами-педагогами. Въ этомъ же году онъ избранъ былъ секретаремъ историко-филологическаго факультета.

[2]) Профф. М. С. Дриновъ, Н. А. Лавровскій и А. И. Кирпичниковъ предлагали А. А-чу степень доктора до защиты имъ диссертаціи, за прежнія работы, но въ силу своей скромности и строгости къ себѣ, А. А. отказался и предпочелъ достигнуть этой степени обычнымъ путемъ. Во время защиты диссертантъ, по словамъ проф. Сумцова, выказалъ полное спокойствіе и деликатность въ спорахъ.—Со времени защиты этой диссертаціи, удостоенной въ 1877 году Академіей наукъ Ломоносовской преміи, слава Потебни, какъ ученаго, стала расти и выходить за предѣлы Россіи. Въ 1877 г. онъ былъ избранъ въ д. члены Общ. Любит. Россійск. Словесности при Моск. у-тѣ и въ члены-корреспонденты Академіи по отдѣленію русск. яз. и словесности; въ этомъ же году и въ 1879 ему присуждено Академіей двѣ медали (за разборъ сочиненій Житецкаго и Головацкаго), а въ 1891 г.—медаль Константиновская отъ Географическаго Общества. Въ 1891 г. избранъ въ д. члены Чешскаго Королевскаго Общ. наукъ. Съ этого же времени (—защиты диссерт.) начинають появляться и статьи, посвященныя разбору трудовъ Потебни.

возвратимся къ прерванной автобіографіи, къ той части ея, гдѣ раскрывается постепенное созрѣваніе этой великой духовной силы. Работая въ области науки въ строгомъ смыслѣ, А. А. отдавалъ значительную долю своего времени и энергіи харьковскому историко-филологическому обществу, ставившему своей задачей разработку и тѣхъ вопросовъ, которые близко интересовали покойнаго профессора: избранный въ члены Общества въ 1874 г., черезъ четыре года онъ становится уже во главѣ Общества и ревностно исполняетъ принятыя обязанности, вдохновляя своей дѣятельностью членовъ въ то время еще далеко неокрѣпшаго учрежденія. Вплоть до 11 октября 1890 г. Потебня принималъ самое живое, разностороннее участіе въ дѣлахъ общества (о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ протоколы), а въ этотъ день секретарь передалъ обществу печальную вѣсть: „М. Г., Николай Өедоровичъ! (— Сумцовъ —) Покорнѣйше прошу Васъ передать гг. членамъ ист.-фил. общества вмѣстѣ съ благодарностью за прежнія избранія мою просьбу: на сей разъ не подвергать меня баллотировкѣ, такъ какъ, въ случаѣ избранія, я по нездоровью принужденъ буду отказаться отъ званія предсѣдателя. Съ совершеннымъ уваженіемъ А. Потебня“ [1]).

Нездоровье это было довольно тяжкой формы, и вполнѣ оправиться отъ него А. А. не пришлось: съ этой поры здоровье его пошло на убыль. Временный подъемъ силъ и духа, возвращеніе обычной живости, которое такъ обрадовало слушателей Потебни весной 1890 г., было послѣднимъ усиліемъ мощнаго духа сломить немощь физическую. Осень и зима этого года были очень тяжелы для больного: онъ почти не выходилъ изъ дому. Поѣздка въ 1891 г. на два лѣтнихъ мѣсяца въ Италію на время задержала разрушительную силу болѣзни, но начавшаяся въ сентябрѣ инфлуэнца нашла себѣ подготовленную

---

[1]) См. „Сборникъ Х. И. Ф. О.“ В. III, с. 4-я.

почву и глубоко пустила свои корни, отразившись на легкихъ и почкахъ. Съ этой поры А. А. не вставалъ, хотя колебанія въ состояніи его здоровья подавали надежду на иной исходъ болѣзни до самыхъ послѣднихъ дней. Поэтому страшная вѣсть: „А. А-ча не стало!“ — была громовымъ ударомъ для его слушателей, еще такъ недавно видѣвшихъ дорогого учителя и слыщавшихъ его живое слово (въ послѣднемъ семестрѣ А. А. пригласилъ слушателей ходить къ нему на квартиру). Этимъ печальнымъ днемъ было 29 ноября; въ 4 часа по полудни А. А. отошелъ въ вѣчность.

Собралась маленькая осиротѣлая группа слушателей усопшаго ученаго, отслушали панихиду и безмолвно, потрясенные тяжкой, невознаградимой утратой, разбрелись по своимъ угламъ. На утро въ квартиру покойнаго стекались съ разныхъ концовъ города знавшіе и почитавшіе Потебню сказать свое послѣднее прости. 1-го декабря усопшему отданы были послѣднія почести: послѣ заупокойной литургіи и отпѣванія тѣла въ университетской церкви, гробъ былъ вынесенъ профессорами и переданъ студентамъ и ученикамъ А. А., которые и донесли дорогой прахъ до мѣста вѣчнаго упокоенія — на „городское“ кладбище.— Здѣсь, недалеко отъ входа, съ лѣвой стороны отъ дороги, ведущей къ церкви, подъ простымъ дубовымъ крестомъ, увѣнчанный множествомъ вѣнковъ, выслушавши нѣсколько послѣднихъ, вылившихся отъ сердца, прощальныхъ словъ, орошенный горячей слезой, какъ данью этому нѣжному, при жизни полному любви сердцу, покоится прахъ великаго ученаго, глубокаго мыслителя и истиннаго человѣка, все еще не оцѣненнаго по достоинству.

Скромный, замкнутый въ кругу своихъ любимыхъ занятій, слишкомъ далекій отъ свѣтскаго шума и честолюбія, ставя свой внутренній голосъ выше всякихъ толковъ и пересудковъ критики и публики, удовлетворяя

лишь насущнымъ потребностямъ своего богатаго, широко и глубоко захватывающаго, пытливаго духа, А. А. при жизни былъ слишкомъ мало цѣнимъ и даже почти совсѣмъ неизвѣстенъ въ той средѣ, которую принято называть широкой публикой. Но въ разныхъ концахъ Россіи и Европы у него было много родныхъ по духу, цѣнившихъ и почитавшихъ эту крупную силу. Въ отвѣтъ на печальную вѣсть о преждевременной кончинѣ Потебни въ разныхъ газетахъ и журналахъ стали появляться статьи, замѣтки полныя глубокой скорби; жена покойнаго, харьковское историко-филологическое общество и нѣкоторые изъ профессоровъ получили рядъ телеграммъ, проникнутыхъ тѣми же чувствами искренняго горя.

Поднялось на ноги въ Харьковѣ все, что было близко съ покойнымъ по духу и роду занятій, чтобы привести въ извѣстность богатое наслѣдіе безвременно отшедшаго хозяина. Нѣкоторые изъ послѣднихъ слушателей А. А. стали въ свободные часы посѣщать квартиру покойнаго и при содѣйствіи семьи А. А. приводить въ порядокъ (внѣшній) оставшіяся многочисленныя папки съ замѣтками, выписками и набросками; затѣмъ, раздѣливъ по частямъ, приступили къ перепискѣ и повѣркѣ цитатъ въ наиболѣе обработанномъ трудѣ — „Изъ записокъ по русской грамматикѣ" ч. III-я, а также нѣкоторыхъ отдѣловъ замѣтокъ по теоріи словесности. При этомъ со всею яркостью обнаружилось, какъ много недосказаннаго унесъ съ собой въ могилу покойный, какъ много осталось недодѣланнаго и какъ трудно додѣлать эту цѣльную художественную работу мысли, какъ трудно оживить эти груды цѣннаго матеріала, когда отлетѣлъ духъ, который одинъ могъ, вспрыснувъ эти руины мертвой — цѣлящей и живой водой своего генія, вывести передъ нами яркія картины человѣческой мысли, ея творчества на протяженіи вѣковъ.

Поэтому сдѣлано, что было по силамъ.—Напечатано и перепечатано (вышедшее изъ продажи) то, что служитъ дверью, которою можно со временемъ войти въ со-

кровищницу и вынести изъ нея на свѣтъ, безъ особыхъ поврежденій, что въ ней хранится. Первымъ изъ такихъ трудовъ по времени и по значенію является „Мысль и языкъ", напечатанный впервые еще въ 1862 г. и являвшійся библіографическою рѣдкостью; а межъ тѣмъ здѣсь найдемъ мы „стройное изложеніе почти всѣхъ основныхъ взглядовъ покойнаго на отношеніе слова къ мысли". Въ 1892 г. это сочиненіе было перепечатано. Черезъ два года напечатанъ былъ небольшой частный курсъ „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня. Пословица. Поговорка", примыкающій къ двумъ послѣднимъ главамъ соч. „Мысль и языкъ" и являющійся нѣкоторымъ подспорьемъ для изданія большого курса по теоріи словесности, сохранившагося въ бумагахъ А. А. въ необработанномъ видѣ. Въ слѣдующемъ году въ „Вѣстникѣ Европы" помѣщена статья „Языкъ и народность", проливающая свѣтъ на нѣкоторые изъ насущныхъ для покойнаго вопросовъ. Въ „Извѣстіяхъ Ак. Наукъ" за 1896-й годъ, т. I, кн. 4, находимъ разборъ Потебней диссертаціи Соболевскаго, разборъ интересный для характеристики нѣкоторыхъ пріемовъ научной критики, которыхъ держался покойный. Наконецъ изданъ сборникъ рѣчей и некрологовъ, посвященныхъ памяти Потебни. — Все это вмѣстѣ съ имѣющимися въ продажѣ сочиненіями А. А. будетъ постепенно разносить идеи, знаменательныя и глубоко-философскія, въ средѣ читающей и мыслящей публики, учрежденная же при харьк. историко-филологическомъ обществѣ премія имени Потебни (присужденія которой уже состоялись два раза) — способствовать распространенію взглядовъ покойнаго въ средѣ студенчества; отсюда вѣдь выйдутъ и педагоги, сѣющіе свои сѣмена не въ одной тысячѣ юныхъ умовъ. Такъ со временемъ, будемъ надѣяться, создастся пониманіе выдающагося ученаго, образуется кругъ лицъ, готовыхъ положить свое время и знанія для изданія научнаго наслѣдія Потебни — съ одной стороны, а съ другой вырастутъ поколѣнія, воспитанныя на новыхъ понятіяхъ объ отношеніи слова къ мысли.

Теченіе и въ ту и въ другую сторону уже началось; да и самый строй современной мысли исподоволь уклоняется на этотъ путь, заготовляя подъ почвой богатое питаніе для новой теоріи. Объ этомъ рѣчь ниже. Теперь же возвратимся къ повѣсти самого профессора о томъ, какъ онъ учился, какъ зарождались, росли и крѣпли тѣ богатыя духовныя силы, которыми столь щедро природа надѣлила покойнаго, какъ западали въ его душу тѣ сѣмена, изъ которыхъ выросли столь роскошные плоды. Потебня — личность геніальная, поэтому онъ въ своемъ развитіи въ нѣкоторыхъ областяхъ мысли прошелъ раньше другихъ тѣ стадіи, въ которыя мысль средняго современнаго человѣка частью вступила, частью вступаетъ, а кое къ чему еще лишь готовится.

„Мнѣ кажется, я вижу помочи, на которыхъ вела меня судьба. Нѣкоторая наклонность къ вопросамъ, неимѣющимъ непосредственнаго, такъ наз. житейскаго значенія, (каковъ исчерпывающій все языковѣдѣніе вопросъ объ отношеніи мысли къ слову), не объясняется школою. Эту школу проходили со мною многіе, иные гораздо лучше меня подготовленные къ занятіямъ филологіей. Таковы были (въ университетѣ) ученики полтавской гимназіи, гдѣ въ то время и позже былъ замѣчательный учитель древнихъ языковъ Полевичъ (полякъ; его ученикъ между прочимъ А. Котляревскій). Таковы же были и мои однокурсники, ученики курской гимназіи. — Я нахожу сходство между собою и нѣкоторыми давно умершими родственниками по отцу, получившими (по-старинному) буквально грошовое образованіе (за выучку у дьяка копа грошей и горшокъ каши). Тетка моя по четьимъ-минеямъ рѣшала философскіе вопросы, а дядя, рано убитый па Кавказѣ, какъ мнѣ говорили, занимался арабскимъ, персидскимъ и зналъ нѣсколько горскихъ нарѣчій.

„Въ радомской гимназіи, сколько помню, учили сносно только латинскому языку; остальное было ниже по-

средственности. Если впослѣдствіи меня не пугала грамматика, то это, я думаю, потому, что я смолоду не зналъ никакихъ грамматическихъ учебниковъ. Тамъ я выучился польскому (на этомъ языкѣ преподавалось большинство предметовъ; русскихъ въ гимназіи было всего нѣсколько), и въ семьѣ дяди — нѣмецкому. Тамъ же пріобрѣлъ охоту къ легкому чтенію. Объ университетѣ могу сказать, что въ общемъ онъ давалъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать, разсматривая порознь преподавательскія силы. Бываетъ иначе, когда много дается и мало получается.

„Тогда многое бралось съ вѣтру. Напр., въ преподаваніи — полное отсутствіе философіи. Логику и психологію читалъ профессоръ богословія, свящ. П. И. Лебедевъ. Записокъ всего нѣсколько листовъ. Однако первыя, буквально повторявшіяся изъ году въ годъ, строки вступительной лекціи всеобщей исторіи Рославскаго — Петровскаго („М. Г. Истина состоитъ въ согласіи нашихъ представленій съ дѣйствительнымъ бытіемъ, но, обуреваемый страстьми, ограниченный вліяніемъ матери, человѣкъ“ . . . и пр.) возбуждали движеніе мысли, какъ теперь вижу, довольно самостоятельное, потому что о Кантѣ и т. п. тогда ни я, ни мои товарищи не слыхали. Два изъ трехъ преподавателей классической филологіи были люди со свѣдѣніями; О. А. Валицкій считался даже очень хорошимъ преподавателемъ. Однако вѣрно, что въ мое время по латыни, по гречески въ университетѣ словесники забывали что знали, а знали, какъ я сказалъ, полтавскіе и курскіе гимназисты достаточно (семинаристовъ въ числѣ моихъ 9-ти товарищей не было). Древности и исторія литературы греческой и римской состояли изъ негодной библіографіи и номенклатуры. — Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій «украинофилъ» (тогда еще этого термина не было) и добрый человѣкъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ „Южно-русскихъ народныхъ пѣсенъ“ былъ первой книгой, по которой я учился присматриваться къ явле-

ніямъ языка. Позднѣе Н. А. Лавровскій, перешедшій съ каѳедры педагогики на каѳедру русской словесности, указалъ на „Мысли объ исторіи русскаго языка" Срезневскаго. Фонетика славянскихъ нарѣчій была тогда у насъ новостью, для большинства страшною. Студенты другихъ факультетовъ совсѣмъ понапрасну прозывали словесниковъ юсами и буквоѣдами: юсовъ словесники обыкновенно не одолѣвали и сами чувствовали къ нимъ не меньшее отвращеніе, чѣмъ нынѣшняя молодежь къ латинской и греческой грамматикѣ.— Русская исторія читалась хорошо. А. П. Зерницъ говорилъ растянуто, некрасиво, но дѣльно и свободно, не по тетрадкѣ и не выучивая дома наизусть, какъ дѣлали нѣкоторые профессора.

„Составленіе за нимъ записокъ было мнѣ полезно во многихъ отношеніяхъ. Я черезъ П. Лавровскаго познакомился грамматикой Миклошича, трудами Караджича. Изъ другихъ книгъ, имѣвшихъ на меня вліяніе, укажу Костомарова „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи", сочиненіе, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ не нравилось, и статью Буслаева „Объ эпической поэзіи". Затѣмъ, къ сожалѣнію, ничьими совѣтами я не пользовался и работалъ, какъ и теперь, вполнѣ уединенно. Благодаря П. Лавровскому я сталъ заниматься славянскимъ языкознаніемъ и оставленъ при университетѣ; но послѣдователемъ его я себя не считаю. — Большіе пробѣлы школьнаго образованія я замѣтилъ въ себѣ слишкомъ поздно, когда садиться за указку было уже неудобно. Въ Берлинѣ я лекцій не слушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился санскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторіи, съ глазу на глазъ, сдавалъ урокъ; характерно, что сидя одинъ-на-одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни слова, не относящагося къ уроку (А. Губернатисъ тогда слушалъ у Вебера болѣе элементарный курсъ, гдѣ слушателей было 5—10). Это могло бы имѣть рѣшительное вліяніе на мои позднѣйшія занятія, если бы продолжа-

лось не семестръ, а 2—3 года, но время тогда было мало располагавшее къ такимъ занятіямъ; тоска стала одолѣвать и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію [1]).

„О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ могу сказать только, что работать становится труднѣе, и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросы языкознанія, понимаемаго въ гумбольдтовскомъ смыслѣ: «поэзія и проза „(поэтическое и научное мышленіе)" суть явленія языка». — Въ послѣднее время я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построенный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія: для публики: — „Объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительнаго", для меня — „Объ устраненіи въ мышленіи субстанцій ставшихъ мнимыми" или „о борьбѣ миѳическаго мышленія съ относительно-научнымъ въ области грамматическихъ категорій" (по даннымъ преимущественно русскаго языка). Въ основаніи лежитъ мысль, впрочемъ не новая, что философскія обобщенія такихъ то по имени ученыхъ основаны на философской работѣ безыменныхъ мыслителей, совершающейся въ языкѣ, что напр., математика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестаетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціальности, вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пиѳагоръ, долженъ остаться въ этой субстанціальности.

„Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п., въ печать попадали только строки, напр. въ разборѣ „Пѣсенъ Головацкаго" [2]).

---

[1]) Къ этому времени относятся любопытныя письма А. А. изъ Берлина къ своему товарищу Бѣликову (см. „Сборникъ Харьк. Ист.-фил. Общ.", т. X, VI).

[2]) Автобіографія эта помѣщена у Пыпина въ „Исторіи русской этнографіи" т. III, с. 420—4, — дополненія.

Этими словами кончается автобіографія покойнаго, но въ одномъ изъ посмертныхъ его трудовъ и въ воспоминаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ объ А. А-чѣ болѣе-менѣе выясняется точка зрѣнія Потебни на эти существенные вопросы. Приведу выдержки изъ менѣе доступныхъ для публики статей этого рода, предоставляя каждому заинтересованному самому ознакомиться со статьей Потебни „Языкъ и народность", помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1895 г.— Таковъ прежде всего вышеупомянутый „разборъ пѣсенъ Головацкаго".— „На дѣлѣ народность реальна по отношенію къ своему прошедшему, но какъ условленная имъ совокупность способовъ воздѣйствія на новыя вліянія (внѣшнія, но не непремѣнно инородныя, ибо въ концѣ концовъ и народная жизнь происходитъ въ «я», для котораго все мимотекущее есть внѣшность); она формальна до такой степени, что съ сохраненіемъ ея совмѣстимо даже полное, лишь бы постепенное отрицаніе прежняго содержанія.—„Языкъ согласно съ этимъ есть не только одна изъ стихій народности, но и наиболѣе совершенное ея подобіе. Какъ не мыслима точка зрѣнія, съ которой видны были всѣ стороны вещи, какъ въ словѣ невозможно представленіе, исключающее возможность другого представленія; такъ невозможна всеобъемлющая, безусловно лучшая народность. Если бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы гибелью для человѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это было не осязаніемъ, а зрѣніемъ".— „Для существованія человѣка нужны другіе люди, для народности — другія народности. Какъ немногими знаками выражаются безконечныя числа и какъ нѣтъ языка и нарѣчія, которые не были бы способны стать орудіями неопредѣлимо разнообразной и глубокой мысли, которая однако никогда не можетъ сравниться съ познаваемымъ, такъ всякая народность, хотя бы и низшая, a priori спо-

собна къ безконечному одностороннему развитію“ [1]).

— „Многія мысли и многіе образы, не лишенные общаго значенія, вовсе бы и не родились безъ «провинціальныхъ жаргоновъ»“ [2]).

Чрезвычайно характерно высказалъ Потебня свое мнѣніе о заимствованіи и самобытности въ творчествѣ, въ 1890 г., по поводу спора двухъ малорусскихъ писателей: „Съ одной стороны, свойства человѣческаго творчества таковы, что безъ возбужденія чужою мыслью, безъ извѣстной доли заимствованія оно возникнуть и существовать не можетъ. Даже своеобразнѣйшія произведенія не составляютъ исключенія. Чужая мысль, чтобы стать плодотворною для меня и для другихъ, должна быть мною *усвоена*, т. е. до извѣстной степени *присвоена*, ибо точное отдѣленіе своего отъ чужого въ области мысли «suum cuique tribuere» до подробностей въ множайшихъ случаяхъ невозможно. Съ другой стороны, — авторъ нерѣдко наклоненъ «sibi minimum tribuere», какъ бы брать себѣ въ аренду извѣстныя мысли и даже области мысли и смотрѣть какъ на безнравственность всякую попытку вторженія въ эту мнимую аренду; но за всѣмъ тѣмъ онъ имѣетъ право на пользованіе извѣстнымъ благомъ, вытекающимъ изъ его авторства; безъ этого онъ будетъ лишенъ эгоистическаго побужденія къ дѣятельности, быть можетъ, общеполезной, и общеполезное дѣло будутъ дѣлать лишь рѣдкіе, способные къ полному безкорыстію“ [3]).

Уже въ этихъ немногихъ строкахъ видна ясная, строгая, оригинальная и глубокая мысль, зрѣвшая въ тиши кабинета до времени полнаго развитія и тогда лишь

---

[1]) Отрывки эти взяты изъ „Отчета о 22-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ“, (гдѣ помѣщенъ „Разборъ пѣсенъ Головацкаго“) с. 92—3.

[2]) Ib., с. 95.

[3]) См. „Южный Край“ за 1890 г. № 3264, а также статью проф. Сумцова въ „Зап. Импер. Харьк. у-та“ за 1893 г., в. 1-й „Матеріалы для исторіи Харьк. университета“.

пускаемая въ оборотъ, въ жизнь, далеко не щедрой рукой творца. — Уединенная жизнь, сосредоточенность въ занятіяхъ развивали въ А. А. необыкновенную строгость къ себѣ въ словахъ и углубленность, чрезвычайную сосредоточенность, придававшую этому умному, тонкому, благородному лицу оттѣнокъ суровости, на первый взглядъ. На первыхъ порахъ и эта внѣшность и тотъ сжатый, строго-научный языкъ, который дѣлалъ изложеніе Потебни какъ бы сухимъ, трудно усваиваемымъ, отпугивали новичковъ слушателей отъ этихъ лекцій, замѣчательныхъ по глубинѣ содержанія и способности вызывать къ жизни и дѣятельности чужую мысль, подымать на брань всѣ силы души; со временемъ всѣ эти „непоказныя" стороны становятся притягивающими, чарующими, какъ свидѣтельствуютъ о томъ единогласныя признанія и воспоминанія слушателей покойнаго, не испугавшихся перваго впечатлѣнія. Къ сожалѣнію, такихъ оказывалось немного, такъ какъ харьковскій университетъ за послѣднее время филологами не былъ богатъ. Изрѣдка заходили на лекціи Потебни и студенты другихъ факультетовъ, но обыкновенно не выдерживали и первой. Однако бывали единицы, которыхъ успѣвала захватить поражающая мощь мысли профессора, и такіе отдавали ему все свободное время, съ нетерпѣніемъ ожидая послѣ первой лекціи, второй, третьей .... Обнародованы пока воспоминанія лишь одного изъ такихъ „случайныхъ" слушателей, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ горькой утраты великой духовной силы и рисующія передъ нами очень ярко, во весь ростъ, фигуру покойнаго профессора.

... „Это было въ весеннемъ семестрѣ. Я скучалъ въ сборномъ залѣ въ ожиданіи лекцій, когда ко мнѣ подошелъ знакомый студентъ — математикъ: „Пойдемъ, послушаемъ Потебню".— „Вотъ охота, — какой нибудь перебой звуковъ? И такъ скучно".—„Нѣтъ, теорія словесности и, право, хорошо". — Пойдемъ, пожалуй". Съ тѣхъ поръ я не пропускалъ этихъ лекцій: впечатлѣніе, вынесенное мною изъ первой лекціи, только усиливалось въ те-

ченіе послѣдующихъ; все мнѣ казалось здѣсь новымъ, необычайнымъ своеобразнымъ, все призывало къ иному отношенію къ дѣлу и къ словамъ профессора. Какъ теперь, помню эту маленькую аудиторію, десятокъ слушателей и серьезную, вдумчивую рѣчь учителя. Да, для насъ это былъ именно «учитель» въ наиболѣе возвышенномъ смыслѣ, учитель, принесшій сюда всего себя, — всю многолѣтнюю работу мысли, всѣ свои неисчерпаемыя богатства знанія, всю горячую любовь къ истинѣ, философское міросозерцаніе и—самое дорогое въ немъ—чисто юношеское одушевленіе, сообщавшееся непосредственно слушателямъ. — Уже съ самаго начала васъ подкупала эта своеобразная манера изложенія: это былъ простой разговоръ о весьма сложныхъ вещахъ. Ничего, напоминающаго рѣчь съ каѳедры, приготовленную, плавную, искусственную. Точная, ясная, сжатая, какъ на мѣди гравированная, формула создавалась чаще всего здѣсь, на вашихъ глазахъ. Онъ останавливался, задумывался, рылся въ своей сѣренькой папкѣ, перебиралъ и перечитывалъ бумажки; мы ждали, пока онъ съ напряженіемъ, обличавшимъ сильную работу мысли, задумчиво, сосредоточенно, раздѣльно выставлялъ положеніе; затѣмъ переходилъ къ его развитію или обоснованію. Иногда онъ спрашивалъ: «Понимаете?» — и, несмотря на утвердительный отвѣтъ, посмотрѣвъ на студентовъ, говорилъ: «Нѣтъ, не понимаете»—и излагалъ мысль снова, въ другой связи, въ другомъ развитіи. Иногда лекція переходила въ діалогъ; онъ спрашивалъ, заставлялъ студентовъ самихъ задуматься, пользовался ихъ ошибками для дальнѣйшихъ выводовъ, указывая на характерность и психологическую необходимость этихъ ошибокъ. Несмотря на то, что въ его рѣчи не было ничего предвзятаго, подготовленнаго, — все было разсчитано на то, чтобъ будить и будить мысль, дѣлать ее ясной, послѣдовательной, самостоятельной. Процессъ мысли совершался въ немъ такъ наглядно, такъ выпукло; я сказалъ бы, — такъ изящно, что ученика втягивало въ эту работу. Вы не были пас-

сивнымъ слушателемъ, а какъ-бы сотрудникомъ, потому что эти идеи не усваивались легко: онѣ требовали самодѣятельности. Это не было гладкое изложеніе элементарной системы цеховой науки — наука создавалась здѣсь и вы участвовали въ ея созданіи. Слушатель уходилъ изъ аудиторіи не съ готовыми общими мѣстами, а съ новыми мыслями, продолжавшими свое теченіе и на другой лекціи, и дома, и въ вечерней товарищеской бесѣдѣ. Вся система изложенія вела не къ удобству запоминанія, а къ возбужденію мышленія. Иногда, высыпавши цѣлую груду разнообразныхъ и, на первый взглядъ, несвязанныхъ фактовъ, профессоръ вдругъ освѣщалъ ихъ, такимъ захватывающимъ обобщеніемъ, что слушателя словно осѣняло. Иногда онъ вдругъ выставлялъ положеніе интересное и важное, не совсѣмъ связанное съ предыдущимъ и последующимъ, какъ будто онъ только что вспомнилъ это и, боясь позабыть, спѣшилъ подѣлиться съ нами. Помню одинъ разъ онъ разбиралъ ученіе Аристотеля объ элементарныхъ формахъ поэтическаго творчества, читалъ много выписокъ, но не успѣлъ сдѣлать вывода, звонокъ прозвонилъ, онъ остановился, задумался и вдругъ сказалъ: «Искусство всегда идетъ впереди науки; ну-да, такъ оно и должно быть. Въ вопросахъ соціологіи и психологіи это особенно очевидно». Связи съ предшествующимъ не было никакой, но такъ дѣятельна была его мысль, такимъ широкимъ путемъ шла, что для насъ ея теченіе было всегда какъ-то шире того, что непосредственно касалось излагаемаго предмета: факты, сообщаемые имъ, будили новыя отвлеченія въ другихъ областяхъ мысли и онъ бросалъ ихъ мимоходомъ. Особенно часто это приходилось на долю психологіи, и его психологическіе выводы изъ филологическихъ фактовъ были чрезвычайно интересны; такъ, припоминаю для примѣра выясненіе путемъ исторіи языка того общеизвѣстнаго положенія, что врожденныхъ категорій времени, пространства и т. д. человѣкъ не имѣетъ, что онъ рождается только со способностями воспріятія. Къ истинѣ можно вести по глухой

тропинкѣ и по широкой дорогѣ; онъ велъ насъ этимъ послѣднимъ путемъ, не забывая указывать на каждое встрѣчное явленіе, на каждый интересный фактъ. И вся эта масса фактовъ разнообразныхъ и сложныхъ свободно запоминалась, легко укладываясь въ обобщенія, которыя она иллюстрировала. На этихъ иллюстраціяхъ стоитъ особенно остановиться. Все вело профессора къ тому, чтобъ обставлять свою мысль множествомъ примѣровъ, дѣлать ее какъ можно болѣе конкретной — его строго положительный методъ изслѣдованія, его основныя идеи о значеніи образа, его поэтическая натура, его обширныя знанія. Онъ легко широкой рукой черпалъ груды доказательствъ изъ области сравнительнаго языкознанія, исторіи литературы, философіи, психологіи. Русское словечко, только что выхваченное изъ нѣдръ народной жизни, и изреченіе Гете, «Гамлетъ“ и «Египетскія ночи», новелла Боккачіо и фраза изъ «Копперфильда», книга Аристотеля и замѣчаніе Буслаева, Гейне и Ливій, Апулей и Мицкевичъ, поговорка и романъ, пѣсенька и поэма проходили чредой предъ ученикомъ, разомъ вызывая, развивая и подкрѣпляя требуемую мысль. Безконечное разнообразіе и богатство отдѣльно, мимоходомъ, между прочимъ брошенныхъ цитатъ, сравненій, сопоставленій, замѣчаній дѣлали изъ этой простой тихой бесѣды блестящую, тонкую и остроумную causerie. И затѣмъ, это художественное чтеніе образцовъ литературы, этотъ благородный складъ рѣчи, этотъ изящный, поэтическій, рельефный языкъ, — все вело къ тому, чтобъ вполнѣ отдаться содержанію этой рѣчи. — И здѣсь мы встрѣтили нѣчто совершенно неожиданное. Новый міръ открывался предъ изумленными учениками. Изслѣдованію произведеній искусства давались такія точныя истинно-научныя основы, о какихъ еще мечтаетъ теорія искусства. Тѣ самые вопросы, которые по неясной подготовкѣ, по партійнымъ вліяніямъ, по неумѣнію и незнанію служатъ яблокомъ раздора въ критической литературѣ, здѣсь получали, если не рѣшеніе, то путь къ нему, провѣренный и

надежный. Иначе и быть не могло при данномъ методѣ: то, что рѣшалось у насъ походя, изъ предвзятыхъ произвольныхъ положеній, строилось здѣсь только изъ вѣрнаго, очищеннаго научной критикой матеріала. Этотъ позитивизмъ былъ особенно неожиданъ въ области, гдѣ такъ властно царятъ до сихъ поръ нѣмецкая метафизика «курсовъ» теоріи словесности и прогрессивные или консервативные «принципы» журнальныхъ критиковъ, равно безпочвенные, равно апріорные, равно оторванные отъ живыхъ явленій въ сферѣ искусства, равно занимающіеся не тѣмъ, что есть, а тѣмъ, что имъ было бы желательно. И эти разнообразныя литературныя мнѣнія примирялись здѣсь не путемъ натяжекъ и уступокъ, не вялымъ безразличіемъ, не той «широкостью», которую Достоевскій противополагалъ широтѣ: въ новомъ свѣтѣ основныхъ идей профессора объединялись эти противоположныя теоріи: въ его широкомъ взглядѣ на творчество и его законы было мѣсто всякимъ мнѣніямъ и, повторяю, не въ ущербъ категорической опредѣленности этого взгляда и не въ угоду эклектической формулѣ: «съ одной стороны нельзя не сознаться» и т. д. Надъ этой расплывчатостью онъ любилъ посмѣяться и, помню, съ улыбкою объяснялъ, что значитъ выраженіе «пальцемъ въ небо». «Небо, говорилъ онъ, велико и попасть въ него не трудно — куда ни ткни, вездѣ будетъ небо; а вотъ опредѣленную точку въ небѣ указать»... И къ чужому мнѣнію онъ всегда умѣлъ отнестись съ тѣмъ высоко академическимъ тактомъ, который свойственъ лишь людямъ, стоящимъ на высотѣ знанія: чужая мысль отвергается неограниченно, рѣзко, непреклонно, — и въ то же время такъ мягко и деликатно, какъ будто затрогивается душевная жизнь самаго близкаго человѣка. — Это, между прочимъ, особенно ярко и любопытно проявилось на отношеніяхъ профессора къ извѣстной диссертаціи „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности“, основной взглядъ которой (о превосходствѣ дѣйствительности надъ искусствомъ) былъ съ его точки зрѣнія только пло-

домъ печальнаго недоразумѣнія. Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать тѣ воззрѣнія, которыя онъ ставилъ исходнымъ пунктомъ своей «теоріи словесности». Кой что онъ успѣлъ высказать въ своихъ печатныхъ трудахъ, кой что заключается, быть можетъ, въ его посмертныхъ произведеніяхъ, которыя, надо надѣяться, будутъ изданы. Глубина, богатство и значеніе его взглядовъ въ этой области и, въ частности, въ вопросахъ психологіи творчества, достаточно ограждаютъ ихъ отъ изложенія въ скромныхъ воспоминаніяхъ случайнаго слушателя. Мнѣ хотѣлось только указать на одну характерную и, смѣю думать, многообѣщающую особенность его метода: на стремленіе вести изслѣдованіе отъ простыхъ формъ къ болѣе сложнымъ. Опредѣляя искусство, какъ мышленіе въ образахъ, онъ излагалъ долгую и сложную исторію языка; слово являлось въ этой исторіи продуктомъ послѣдовательныхъ переходовъ мысли, гдѣ каждый переходъ былъ созданіемъ новаго образа: исторія языка становилась исторіей искусства и поэтическое выраженіе дѣлалось не матеріаломъ, не украшеніемъ рѣчи, а самостоятельной, элементарной, простѣйшей формой художественнаго творчества. И, какъ естественныя науки, разлагая сложныя явленія на простѣйшія или выбирая для изслѣдованія изъ системы явленій наименѣе сложныя, достигли громадныхъ результатовъ, такъ и въ этой области примѣненіе метода изслѣдованія элементарныхъ формъ, привело къ блестящему успѣху. — Я хотѣлъ бы теперь сказать нѣсколько словъ о нравственномъ воздѣйствіи, какое оказывалъ профессоръ на слушателей, но я мало вращался въ кругу его профессіональныхъ, постоянныхъ учениковъ, студентовъ-филологовъ; позволяю себѣ поэтому разсказать койчто о тѣхъ немногихъ, съ которыми я былъ близокъ. — Духовное вліяніе профессора на мой кружокъ было громадное. Въ эти тяжелые дни смѣшенія понятій, отрицанія «забытыхъ словъ», мы неожиданно встрѣтились съ такимъ возвышеннымъ, поистинѣ «человѣческимъ» міросозерцаніемъ, какое знали только изъ книгъ, да и то

едвали понимали по настоящему. Профессоръ наполнялъ своею личностью, своимъ содержаніемъ, своими воззрѣніями; за ученымъ мы видѣли человѣка, за теоретическимъ изложеніемъ спеціальной науки намъ виднѣлась другая правда, которая передавалась намъ не доказательствами, а убѣжденіемъ, не логическимъ анализомъ, а настроеніемъ. Ни въ партійной узости, ни на распутьи оставаться было нельзя — насъ тянула эта широта взглядовъ, это проникновеніе въ суть явленій, это стремленіе индивидуализировать явленіе, не вгоняя его насильно въ прямолинейныя обобщенія; съ другой стороны зарождалось убѣжденіе, что широта не есть индефферентизмъ, что даромъ она не дается — надо имѣть на нее право, что мало хотѣть — надо умѣть и смѣть быть широкимъ, что она наконецъ,—тоже крестъ, ибо потребуетъ жертвъ и приноситъ отвѣтственность. — Въ лекціяхъ по теоріи словесности не могли, конечно, имѣть мѣсто тѣ «вѣчные вопросы», которые составляютъ оффиціальный отдѣлъ философа и теолога, — но именно эти вопросы составляли фонъ многихъ лекцій и въ какой формѣ, въ какой обработкѣ!... Съ горящими глазами, съ задумчивой улыбкой, съ волненіемъ человѣка, говорящаго о «самомъ вкусномъ», профессоръ дѣлился съ учениками продуманнымъ, пережитымъ, старался ввести ихъ въ свое міровоззрѣніе, въ свое пониманіе истины. Для насъ это было по истинѣ «новое слово», — новое до неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительное по той быстротѣ, съ какой оно становилось близкимъ, своимъ, понятнымъ, по той пластичности, съ какой входило въ составъ міросозерцанія. Стѣны маленькой аудиторіи раздвигались. Передъ взволнованнымъ слушателемъ вставалъ безконечный просторъ царства мысли, царства правды. Это было то, за чѣмъ мы шли въ университетъ . . . — Я вспоминаю рядъ лекцій, носившихъ неопредѣленное названіе «Обзора поэтическихъ произведеній». Профессоръ пытался объединить нѣсколько весьма далекихъ другъ отъ друга произведеній общей идеей: идеей одиночества личности, въ «потокѣ событій»

и — еще шире — идеей сопоставленія единицы съ безконечнымъ. «Мѣдный Всадникъ», «Германъ и Доротея», санскритская басня и «Пѣсня о Горѣ-Злочастьѣ» получали новое истолкованіе, оригинальное и глубокое, являлись въ новомъ свѣтѣ и, объединенныя въ этомъ широкомъ обобщеніи, пріобрѣтали особенное значеніе. Это былъ блестящій образецъ истинной критики — научнаго изслѣдованія произведеній искусства; ученый изслѣдователь не гнался за указаніемъ недостатковъ или внѣшнихъ достоинствъ, съ точки зрѣнія теоріи «прикладного» или «чистаго искусства»; онъ не уходилъ въ библіографическія подробности, онъ, наконецъ, и не занимался здѣсь публицистикой, выясненіемъ общественнаго значенія произведенія — онъ захватывалъ глубже; поэтическое произведеніе, вновь перечувствованное и продуманное вставало передъ ученикомъ въ новомъ пониманіи во всей своей цѣлости, красотѣ и глубинѣ; ученику сообщалось «настроеніе» произведенія, его внутренній міръ, его психика — отсюда и истинное пониманіе его значенія. Два критерія выставлялъ профессоръ для оцѣнки поэтическаго произведенія: новизну обобщенія и широту его. Съ одной стороны, произведеніе постольку важно, поскольку оно вноситъ что-нибудь новое; оно велико, если оно — дальнѣйшая ступень въ исторіи мышленія, если оно — дѣйствительный «переходъ мысли отъ неизвѣстнаго къ извѣстному»; съ другой стороны, поэтическій образъ тѣмъ выше, чѣмъ обобщеніе, заключенное въ немъ, шире, многостороннѣе, живучее, чѣмъ большій кругъ разнообразныхъ явленій дѣйствительности оно захватываетъ. Съ этой точки зрѣнія падала, конечно, общественно-партійная оцѣнка произведенія, но тѣмъ яснѣе выступало его истинное значеніе, — общественное въ самомъ высокомъ смыслѣ. Но это не все: тотъ смыслъ, который профессоръ придавалъ указаннымъ произведеніямъ, требовалъ усвоенія самой идеи безконечнаго, и онъ съумѣлъ это сдѣлать съ той душевной тонкостью, той поэтической жизненностью, которая давала не мертвое понима-

ніе сухой схемы, а вѣру — вѣру въ безконечное безъ логическаго построенія его идеи. Насъ охватывала эта атмосфера мышленія, это волненіе творчества, это мучительное счастье стремленія къ истинѣ, *той настоящей, большой* истинѣ, намъ сообщалась эта невысказанная горячая вѣра въ будущее. Въ отвѣтъ на слова учителя нашъ внутренній міръ вибрировалъ въ томъ же тонѣ, въ томъ же тембрѣ, въ томъ же настроеніи. Мы не аплодировали — *это* было важнѣе рукоплесканій, — но каждый уносилъ домой сознаніе, что съ нимъ произошло нѣчто хорошее, что сегодняшній день не потерянъ, что жить и работать еще можно — и должно... Такова была эта теорія словесности.— Передо мной лежитъ его портретъ. Не знаю, какъ для другихъ — для меня это лицо полно необычайной красоты. Этотъ громадный, сильный лобъ, эта тонкая, задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый, властный взглядъ, это «нездѣшнее» спокойствіе, — печать высшаго напряженія духа въ этомъ слабомъ старческомъ тѣлѣ. И это слабое тѣло еще усиливало впечатлѣніе этой исключительной жизни духа, такъ часто напоминая слова Гегеля о Гете: «Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и спокойствіи». — И оно отпало, это слабое тѣло. Тяжело подумать, какъ много унесъ этотъ человѣкъ въ могилу, какъ много невысказаннаго, недоговореннаго ушло вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело людямъ науки терять такого мыслителя, но намъ, имѣвшимъ счастье духовнаго общенія съ нимъ въ трудныя минуты безвременья, еще тяжелѣе потерять человѣка, который зналъ и умѣлъ учить «чѣмъ люди живы» [1]. —

---

[1] *А. Горнфельдъ*, „Лекціи А. А. Потебни — изъ воспоминаній бывшаго слушателя“ (напечат. сначала въ „Харьковскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1891 г., № 335, а затѣмъ перепеч. въ сборникѣ „Памяти А. А. Потебни“ и въ „Кіевской Старинѣ“).

Такъ живо, ярко, талантливо и горячо отразились вдохновенныя лекціи покойнаго въ душѣ одного изъ «случайныхъ» слушателей, захваченныхъ могучей волной, успѣвшей занести его въ глубь и ширь моря мысли. Это были лекціи по теоріи словесности, лекціи, которыя и для широкой публики могутъ имѣть интересъ и даже увлекать, при нѣкоторой подготовкѣ. А вотъ воспоминанія и о спеціальныхъ курсахъ („Русскій синтаксисъ" и чтеніе стар. памятниковъ) спеціалиста же слушателя:

„Не знаю, какъ Потебня открывалъ свои курсы въ прежнее время; въ тѣхъ, которые онъ читалъ въ послѣдніе годы, вовсе не было общихъ введеній, составляющихъ обыкновенную принадлежность университетскихъ чтеній, хотя бы посвященныхъ и частнымъ вопросамъ. Профессоръ, какъ будто избѣгая траты времени, спѣшилъ ввести своихъ слушателей въ кругъ намѣченныхъ имъ для предстоящаго курса вопросовъ, и этотъ курсъ, какъ эпическая пѣсня, начинался не ab ovo, не съ сухихъ генеалогическихъ подробностей, а прямо съ середины. — Что такое русскій языкъ? Какое обыкновенно даютъ ему опредѣленіе?» спрашивалъ Александръ Аѳанасьевичъ, голосомъ, тономъ рѣчи, всей своей фигурой давая чувствовать, что бесѣда будетъ о чемъ-то важномъ, серьезномъ. Этотъ типическій способъ начинать лекціи простымъ вопросомъ объ извѣстномъ всякому предметѣ напоминаетъ и его печатные труды: достаточно указать на «Записки по русской грамматикѣ», которыя также начинаются вопросомъ: «Что такое слово?» — «Часто встрѣчаемыя выраженія: это по-русски, это не по-русски, предполагаютъ пониманіе русскаго языка въ слишкомъ узкомъ смыслѣ; ими обыкновенно хотятъ сказать не то, что это молъ по-французски или по-нѣмецки, а то, что кому думается о словѣ или фразѣ съ точки зрѣнія узкаго провинціальнаго развитія, т. е. принимается часть за цѣлое». Далѣе выяснялась историческая и психологическая необходимость столь узкаго пониманія термина «русскій». Приведя взгляды на русскій языкъ Нестора, Ломоносова и др.,

А. А. выставилъ свое положеніе, что нормальное состояніе языка есть дробленіе на говоры, что слѣдовательно, исторія русскаго языка есть исторія совокупности говоровъ. Въ этой совокупности русскихъ говоровъ каждый имѣетъ право на существованіе и научную разработку. Послѣ обзора площади русскаго языка слѣдовало разъясненіе положенія объ естественномъ движеніи языка, которое далеко не исчерпывается литературными формами, а обнимаетъ также составъ и строй живыхъ говоровъ.—Далѣе рѣчь пошла о грамматикѣ, сначала школьной, преслѣдующей практическія цѣли, а затѣмъ научной, теоретической. Профессоръ развилъ намъ, что вопросъ о пользѣ грамматики сводится къ вопросу о пользѣ исторіи, высшимъ положеніемъ которой онъ считалъ мысль о братствѣ народовъ, объ единствѣ человѣчества. Цѣль теоретическаго знанія языка вообще и грамматики въ частности профессоръ полагалъ въ томъ, чтобы довести до сознанія цѣли, преслѣдуемыя языкомъ, и средства, при помощи которыхъ достигаются эти цѣли. Разъяснивъ далѣе слушателямъ, что языкъ есть не фактъ, а дѣятельность, направленная къ претворенію матеріи звуковъ для цѣлей мысли, и что въ разныхъ языкахъ цѣли эти достигаются различными путями опредѣляя національный ихъ характеръ, профессоръ вывелъ отсюда положеніе, что языкознаніе націоналистично, и что нашею цѣлью должно быть изученіе особенностей уложенія мыслей въ русскомъ языкѣ. — Выставляя общія положенія въ началѣ курса, А. А. не предрѣшалъ никакихъ общихъ или спеціальныхъ вопросовъ русскаго языкознанія, но настраивалъ только слушателей на извѣстный ладъ и возбуждалъ высокій интересъ къ своему предмету. Перспектива будущаго курса смутно рисовалась въ нашемъ воображеніи, и благодаря отсутствію апріорнаго распредѣленія была въ высшей степени заманчива. Намъ давались въ руки какъ бы нити, которыя должны были войти въ основу развиваемой ткани. — А. А. собственно не читалъ лекцій, а бесѣдовалъ. Какъ то разъ въ началѣ

курса по теоріи словесности А. А. высказалъ свой взглядъ на то, какъ слѣдовало бы собственно читать лекціи. По его мнѣнію, лучшій способъ преподаванія—бесѣда, и онъ былъ противъ монологическаго чтенія съ каѳедры, какъ чего-то искусственнаго, неестественнаго, несоотвѣтствующаго самой сущности дѣла. Но собесѣдованіе возможно лишь при умѣніи ставить вопросы и давать на нихъ отвѣты, не уклоняясь отъ предмета курса. — Любимой манерой изложенія А. А. и былъ діалогъ, вся рѣчь его состояла изъ чередующихся вопросовъ и отвѣтовъ. Нерѣдко отъ естественнаго въ своей рѣчи діалога, онъ переходилъ къ настоящей бесѣдѣ и предлагалъ вопросы слушателямъ, что дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда они изъ запаса предыдущихъ чтеній или на основаніи только что сдѣланнаго анализа фактовъ могли уже дать требуемый отвѣтъ. Такіе вопросы дѣлались иногда и съ очевидною цѣлью повѣрить пониманіе слушателей. Потебня былъ глубокій психологъ, а потому и замѣчательный учитель. Ему были хорошо извѣстны и слабости ученической души и законы человѣческаго пониманія. Наблюденія надъ языкомъ выработали въ немъ убѣжденіе, что передать свою мысль не только трудно, но положительно невозможно, что объективируя свою мысль въ словѣ можно лишь возбуждать въ другомъ рядъ его собственныхъ мыслей, и онъ нерѣдко говаривалъ, что «всякое пониманіе есть въ то же время и непониманіе», т. е. пониманіе по-своему. Потебня не упускалъ изъ виду измѣнчивости человѣческой мысли, и всѣ силы свои, казалось намъ, напрягалъ не на переворотъ въ нашемъ сознаніи, не на внесеніе чего-то новаго, а на измѣненіе лишь точки зрѣнія на вещи. И онъ достигалъ своихъ цѣлей. Мы навсегда разстались съ прежними наивными понятіями о русской грамматикѣ; между нашими воззрѣніями въ началѣ курса и въ концѣ его лежала уже цѣлая пропасть“ [1]).

---

[1]) *В. Харціевъ* „Воспоминанія объ А. А. Потебнѣ“ (въ „Слав. Обозрѣніи“ за 1892 годъ, V—VI, с. 120—2).

„Обобщенія Потебни нельзя повѣсить на любую вѣшалку: такъ крѣпка и очевидна была связь ихъ съ конкретнымъ содержаніемъ; она не доказывалась логическимъ умозаключеніемъ, не нуждалась въ немъ; усилій мысли никакихъ не требовалось, ибо конкретное давалось впередъ и намозоливало, по его выраженію, нашъ мозгъ. Эта связь являлась психической необходимостью, была естественнымъ результатомъ ритмическаго процесса мысли и строилась на аксіомѣ недоказуемой, аксіомѣ внутренней правды человѣческой. — Приводя цѣлыя груды примѣровъ, объединенныхъ общими положеніями или типичными образцами, по методу санскритскихъ грамматиковъ (этотъ пріемъ онъ высоко ставилъ), Потебня всегда занималъ по отношенію къ нимъ положеніе посторонняго наблюдателя. Примѣры объяснялись примѣрами же. Въ тѣхъ случаяхъ, когда недоставало соотвѣтствующей иллюстраціи изъ памятниковъ или приходилось высказывать свою догадку или рѣшать спорный въ какомъ бы то ни было отношеніи вопросъ, онъ любилъ оговариваться, что можетъ быть и его мнѣніе ошибочно, что лѣса, которыми онъ окружилъ себя, не позволяютъ ему видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, не допускаютъ другого пониманія. «У каждаго человѣка на носу свои очки, говорилъ нерѣдко покойный; у однихъ они лучше, у другихъ — хуже» ... Онъ держался всегда на высотѣ объективнаго отношенія къ изслѣдуемымъ явленіямъ, не считалъ себя непогрѣшимымъ и вообще «смотрѣлъ, по Гетевскому выраженію, въ вѣка».— Увлекаясь анализомъ типичнаго заблужденія или какого нибудь характернаго оборота рѣчи, въ его отношеніи къ мысли, профессоръ нерѣдко прерывалъ чтеніе лекцій цѣлымъ рядомъ общихъ замѣчаній, выясняющихъ важное значеніе разсмотрѣнныхъ явленій.— Эти перерывы мы называли про себя «лирическими отступленіями». Въ нихъ всего ярче выражалось міросозерцаніе профессора, при чемъ онъ доходилъ до высшихъ философскихъ обобщеній. Приведу примѣръ. Читая отдѣлы изъ того третьяго тома своихъ «Записокъ», который

теперь готовится къ печати, послѣ длиннаго перечня фактовъ, указывающихъ на увеличеніе противоположности между глаголомъ и именемъ, на усиленіе именного характера языка по направленію къ прошедшему и глагольнаго по направленію къ настоящему, на торжество глагольной отвлеченности надъ именною конкретностью, на постепенное вытѣсненіе т. наз. мнимыхъ субстанцій изъ рѣчи и мысли, Потебня подробно остановился на парныхъ именныхъ сочетаніяхъ и на безсубъектныхъ выраженіяхъ. Примѣры сыпались за примѣрами, другъ друга поясняющими. И вотъ тутъ то среди сухого анализа фактовъ появлялись общія замѣчанія, освѣщавшія длинную ихъ вереницу. — «Знанія имѣютъ формы, которыя зависятъ отъ формъ языка, образующихъ и образуемыхъ; таковы слово, предложеніе, часть рѣчи... Съ измѣненіемъ грамматическихъ разрядовъ измѣняются и разряды мысли. Возьмемъ самыя широкія обобщенія, какъ сила, вещь, субстанція, составляющія все содержаніе наукъ. *Вещь* — это совокупность (compexus) признаковъ, которую мы принуждены по необходимости разсматривать отдѣльно отъ другихъ вещей. Чувство единства объединяетъ эту множественность признаковъ, связь между которыми въ силу этого именно чувства — больше, чѣмъ съ другими комплексами признаковъ. *Силою* мы называемъ свойство вещи, которое познаемъ по отраженію его въ другихъ предметахъ или то, въ чемъ сказывается связь между данною вещью и другими вещами. Частное обнаруженіе силы есть дѣйствіе, страданіе или сила въ собственномъ смыслѣ; свойства же вещи, независимо отъ вліянія на другіе предметы, есть состояніе. *Субстанціей* вещи мы называемъ то въ ней, что далѣе не разложимо на силы, безусловно или временно, и что мы представляемъ себѣ первичнымъ носителемъ этихъ силъ. Такъ какъ всякое познаніе есть анализъ, разложеніе, то слѣдовательно познаваемы только силы, разложимое; но мы принуждены эти силы относить къ субстанціи; физики и химики — къ атомамъ, собирательное имя которыхъ —

вещество, матерія. Если же такою дробностью мысль не удовлетворяется, если совокупность силъ разсматривается какъ единица, міръ, и если мысль эту единицу, состоящую изъ силъ относитъ къ одной верховной субстанціи, дальше которой она не идетъ, то эту верховную субстанцію мы называемъ Богомъ; ибо нѣтъ силы безъ субстанціи, и наоборотъ. Субстанція и явленіе, вещество и сила, Богъ и міръ—все это такія же пары, какъ подлежащее и сказуемое, опредѣляемое и аттрибутъ. Выраженія: «Богъ создалъ міръ», «вещество источаетъ силу» и цѣлый рядъ подобныхъ имъ представляютъ точную копію выраженія — «я и мое дѣйствіе». Сама верховная субстанція на языкѣ человѣческомъ иначе не познается, какъ по образцу этого я. Антропоморфизмъ не есть первая проходящая ступеня человѣческой мысли; онъ остается и на вершинахъ отвлеченія, отражаясь и въ высочайшихъ явленіяхъ духа. Другими словами, въ своемъ стремленіи познавать человѣкъ не можетъ иначе думать, чѣмъ по человѣчески.— Какъ себя мы познаемъ по своимъ дѣйствіямъ, такъ подлежащія: Богъ, вещество, субстанція познаваемы лишь настолько, насколько они замѣщаются своими сказуемыми — міръ, сила, явленія. Сами по себѣ эти подлежащія стоятъ за предѣлами знанія, трансцедентальны . . . Достойна умиленія наивность нѣкоторыхъ ученыхъ, что объектъ ихъ изслѣдованія — матерія, субстанція, сущность, которую они берутъ голыми руками. Это наивность дикаря! Никто не можетъ отказаться отъ своей природы, отъ формъ мысли, воспринятыхъ по традиціи. Мы не можемъ поэтому думать безъ субъекта и предиката, хотя такая человѣкообразность мысли подлежитъ измѣненію . . . Надъ этимъ измѣненіемъ работаютъ не только записные мыслители, но и безыменная масса народная, которую можно представить себѣ въ видѣ философа, работающаго тысячелѣтія.— Ходъ человѣческой мысли состоитъ изъ парныхъ толчковъ, подобныхъ парнымъ ударамъ маятника; въ ея движеніи — постоянное чередованіе объясняемаго и объясняющаго,

вопроса и отвѣта, подлежащаго и сказуемаго, по образу и подобію которыхъ созданы и такія пары отвлеченій, какъ субстанція и сила. Наша мысль движется вѣчно въ категоріяхъ психическаго подлежащаго и сказуемаго, и въ этомъ ритмическомъ міровомъ процессѣ ея развитія постоянно измѣняются грамматическіе разряды, рядомъ съ философскими категоріями» ... Такія лекціи были для насъ глубоко обдуманною проповѣдью о томъ, *откуда и куда мы идемъ*, какъ однажды замѣтилъ самъ Потебня въ концѣ одного изъ своихъ курсовъ. Отъ парныхъ аттрибутивныхъ сочетаній мы переходили къ синтезу и анализу, поэзіи и наукѣ, и во всемъ намъ чудилось это грандіозное, волнообразное теченіе мысли человѣческой, во всемъ мы видѣли ритмъ, этотъ міровой, всеобщій элементъ. Научныя классификаціи, стройныя системы—все указывало на неизбѣжное присутствіе ритмической закономѣрности, которая отмѣчена Потебнею и въ процессѣ образованія понятій. Самъ Потебня никогда не высказывался опредѣленно о явленіяхъ психическаго ритма, но его лекціи давали прямое указаніе на нихъ. Намъ казалось, что вопросы о чистотѣ языка, о національности, обусловливающей стройное гармоническое развитіе мысли, замѣчанія его о вредномъ вліяніи изученія нѣсколькихъ языковъ за-разъ въ дѣтствѣ, находились въ тѣсной связи съ указаннымъ широкимъ обобщеніемъ. — Въ матеріалахъ, оставшихся послѣ покойнаго, найдется, несомнѣнно, много такихъ драгоцѣнныхъ замѣтокъ, хотя напередъ можно сказать, что многое изъ того, что онъ говорилъ и думалъ, не заносилось имъ на бумагу. На лекціяхъ, въ домашнихъ бесѣдахъ на вечерахъ онъ высказывалъ часто замѣчательныя истины. Если бы возможно было собрать всѣ эти разговоры, то получилось бы нѣчто въ родѣ «Разговоровъ Гёте», записанныхъ Эккерманомъ, съ тою только разницей, что мысли Потебни объ искусствѣ, поэзіи, народности, нравственныхъ принципахъ были точнѣе, опредѣленнѣе, научнѣе

гётовскихъ“ [1]). — „Потебня не любилъ читать общихъ курсовъ и при своемъ оставленіи на первое пятилѣтіе выговорилъ себѣ условіе читать предметы по своему выбору. Чтеніе общихъ курсовъ противорѣчило его взглядамъ на задачи университетскаго преподаванія, которое должно имѣть пропедевтическое значеніе... Тому, кто отъ его лекцій ждалъ матеріала для экзаменовъ или желалъ найти въ нихъ школьную науку и укрѣпиться въ знаніяхъ, необходимыхъ для будущаго элементарнаго преподаванія языка въ школѣ, курсы Потебни не могли нравиться. Приходившіе съ такими требованіями въ его аудиторію мало выносили изъ нея, не понимая, что профессоръ имѣлъ въ виду и эту цѣль, но избралъ для ея достиженія не то средство, какое обыкновенно употребляютъ.—Науку можно изучать лишь по частямъ, говаривалъ профессоръ, я же на одной изъ такихъ частей покажу пріемы, методъ, который можно приложить къ изученію цѣлаго. О методѣ А. А. никогда не разсуждалъ отдѣльно отъ изложенія, а показывалъ его примѣненіе на дѣлѣ, формулируя двумя-тремя словами и предупреждая о возможности ошибокъ. Не любилъ онъ и такъ наз. «новыхъ» методовъ, не находя смысла въ названіяхъ: методъ сравнительный, историческій, сравнительно-историческій, научный и т. п. въ ихъ обыденномъ пониманіи. Методы изслѣдованія — это пріемы познанія, которые въ сущности извѣчны. Всякое познаніе предполагаетъ сравненіе, всякая наука — историческая, ибо основою познанія служитъ генезисъ предмета или явленія, выясненіе его причинъ и слѣдствій. Потебня сурово казнилъ высокомѣрное отношеніе къ прошлому науки, называя эту гордость «школы» холопскою. — Курсы Потебни имѣли важное пропедевтическое значеніе, причемъ эта пропедевтика относилась не только къ его предмету, но обнимала всю область искусства и науки, ибо чтенія профес-

---

[1]) *Харціевъ*, L. c., стр. 123—6.

сора не стѣснялись опредѣленными рамками, а захватывали на пути все, что *важно*. Это, пожалуй, нарушало цѣльность содержанія курсовъ, систематичность ихъ, но зато расширяло умственный горизонтъ слушателей, углубляло ихъ міровоззрѣніе. — Я мало знаю о содержаніи и общемъ характерѣ курсовъ грамматики, читанныхъ Потебней въ предыдущіе годы, но въ послѣднее время эти курсы имѣли своимъ предметомъ исторію русской народной мысли, изучаемой на общеславянской и даже общеарійской основѣ. Девизомъ всѣхъ этихъ курсовъ можно поставить изученіе жизни русскаго слова въ его значеніяхъ. Языкознаніе онъ понималъ въ высшемъ философскомъ смыслѣ, въ духѣ воззрѣній Вильгельма Гумбольдта. — Нѣкоторыхъ отдѣловъ русской грамматики, напр. фонетики, діалектологіи, морфологіи Потебня не читалъ въ послѣднее время, кажется, потому, что считалъ эти отдѣлы второстепенными въ языкознаніи. Но онъ съ любовью давалъ объясненія по вопросамъ изъ этихъ служебныхъ отдѣловъ языкознанія въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его выраженію, необходимо было построить лѣса для пониманія внутренней жизни слова или выраженія. Это чаще всего случалось при чтеніи старинныхъ памятниковъ или когда студенты интересовались сами такими вопросами. Такъ однажды передъ экзаменомъ студенты обратились къ нему за совѣтомъ и указаніями, гдѣ можно найти необходимыя свѣдѣнія по русской діалектологіи.— Гурьбой отправились къ нему на квартиру и встрѣтили его выходящимъ изъ дому, вѣроятно для прогулки. Профессоръ воротился въ кабинетъ и часа два бесѣдовалъ съ ними, стараясь познакомить ихъ съ общимъ ходомъ развитія русскихъ говоровъ. И такъ наглядно, такъ осязательно выступали передъ нами одна за другою особенности нарѣчій великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго, съ ихъ развѣтвленіями, что мы какъ будто слышали говоръ многомилліонной массы, отъ береговъ Чернаго моря до Ледовитаго океана. Двумя рѣзкими чертами: усиленіемъ лабіализма по направленію къ сѣверу и

гортанности — къ югу, повидимому, исчерпывалась вся характеристика русскихъ говоровъ. Но сколько жизни было въ этомъ изображеніи! — Другою причиною того, почему Потебня не читалъ курсовъ по звуковой исторіи исторіи русскаго языка, было его воззрѣніе на обязанности учителя и задачи преподаванія. Настоящій учитель долженъ учить тому, чѣмъ онъ самъ занимается, что онъ самъ считаетъ важнымъ. Потебня приходилъ въ аудиторію не для того, чтобы читать лекціи о томъ, чему онъ не придавалъ особаго значенія или что уже давно перестало его интересовать, но чтобы продолжать ту работу мысли, которою онъ былъ занятъ и въ своемъ кабинетѣ. А центръ тяжести занятій Потебни въ послѣднее время лежалъ въ наблюденіяхъ надъ процессомъ измѣненія значеній слова и смѣной грамматическихъ категорій или, что то же, категорій мысли. Даже въ такихъ, повидимому, спеціальныхъ курсахъ, какъ ученье о глаголѣ, о видахъ и временахъ, А. А. находилъ случаи касаться вопросовъ историко-культурнаго характера, напр. о національныхъ особенностяхъ русской мысли. Замѣчанія его были такъ характерны, что я не могу не привести ихъ здѣсь въ сжатомъ видѣ, по воспоминаніямъ. Говоря о глубокой разницѣ между стилями глагольныхъ образованій новыхъ и древнихъ языковъ, Потебня замѣтилъ, что переводъ невозможенъ безъ измѣненія смысла, ибо мысль, духъ сами по себѣ непередаваемы. Слово одного языка не тожественно слову другого языка, хотя бы они относились къ одному и тому же предмету или явленію. Языкъ, орудіе мысли, имѣетъ національный характеръ и безъ него немыслимъ. Этого рода національзмъ не заслуживаетъ осужденія. Онъ существуетъ въ поэзіи, философіи, въ наукѣ, хотя опредѣленіе его иногда весьма трудно, даже невозможно. Онъ не исключаетъ терпимости, а наоборотъ предполагаетъ ее, ибо признаніе своей національности есть признаніе національности и другихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи національзмъ согласенъ съ евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Евангеліе

переведено на всѣ языки, но для каждаго народа оно по оттѣнкамъ выраженія разное. Это различіе не противорѣчитъ однако духу евангелія. Божественныя истины не страдаютъ отъ переводовъ на разные языки, даже жаргоны. Общечеловѣческой истины нѣтъ. Если же мы иной разъ выдаемъ по ошибкѣ свою добытую національнымъ путемъ истину за общечеловѣческую, то это лишь значитъ, что мы выдаемъ желаніе за фактъ. Чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ сознательнѣе оно относится къ національному. Денаціонализація образованнаго человѣка не возможна, необразованнаго легче. Всякая попытка денаціонализаціи языка, въ родѣ напр. воланюка, представляетъ абсурдъ, философы становятся на дыбы изъ-за общечеловѣческой истины, называя извергами противниковъ общечеловѣческихъ идеаловъ; но если подъ идеаломъ понимать нѣчто хорошее, желанное, то идеалы—національны. Націонализмъ исключаетъ народную гордость или такое настроеніе, въ силу котораго евреи напр. увѣровали, что они призваны править міромъ. Націонализмъ проповѣдуемый языкознаніемъ не похожъ на націонализмъ насильственный, государственный. Языкознаніе учитъ: мысль прежде всего индивидуальна, затѣмъ она національна, поскольку мыслящій принадлежитъ къ той или другой націи и находится подъ воздѣйствіемъ сложившихся исторически условій. Бороться съ исторіей, во имя личнаго усмотрѣнія — безплодно: конкуррентъ слишкомъ силенъ! [1]) — „Чтеніе старинныхъ памятниковъ было прямымъ дополненіемъ теоретическихъ курсовъ, съ которыми оно находилось въ тѣснѣйшей связи. Но объясняя тексты, профессоръ никогда не останавливался на одн ихъ только строго-грамматическихъ объясненіяхъ. Удачная фраза, мѣткій образъ, да наконецъ просто ошибка въ правописаніи, вызывали у него иногда цѣлый рядъ глубокомысленныхъ соображеній. Такъ напр. по поводу

---

[1]) *В. Харціевъ,* „Воспом. объ А. А. Потебнѣ". (Въ „Слав. Обозрѣніи" 1892 г., кн. 7—8, с. 364—6.

формъ: *идти* вмѣсто *ити* и т. п. онъ распространился какъ-то о засореніи нашего литературнаго языка, который имѣетъ въ своей фразеологіи много странныхъ или прямо невѣжественныхъ заимствованій то изъ французскаго, то изъ нѣмецкаго и другихъ языковъ, въ родѣ напр. такихъ выраженій, какъ «имѣть мѣсто» (stats—haben), «не въ своей тарелкѣ» (съ франц. dans son assiette) и т. п. Такъ какъ засореніе нашего литературнаго языка приняло большіе размѣры, то необходима радикальная чистка его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Нужно круто повести это дѣло, ибо и прежніе новаторы дѣйствовали энергично. Полезно было бы собрать въ особой, небольшой книжкѣ всѣ эти перлы quasi-ученыхъ выраженій и представить ихъ въ наготѣ, освѣтивъ настоящимъ образомъ... Индиферентизмъ въ этомъ случаѣ не простителенъ" [1]).

Авторъ воспоминаній слушалъ два курса по теоріи словесности: а) объ отношеніи поэтическаго произведенія къ слову и б) о видахъ поэтической иносказательности, въ частности о тропахъ и фигурахъ. Такъ какъ основныя положенія перваго курса въ печатныхъ произведеніяхъ покойнаго профессора изложены, приведу лишь воспоминанія г. Харціева о второмъ курсѣ.

„Избѣгая туманнаго разграниченія троповъ и фигуръ, А. А. принималъ три основныхъ вида троповъ: метафору, метонимію и синекдоху. Параллельно съ этимъ, онъ выяснилъ два пріема мышленія: поэтическій и миѳическій, какъ въ предыдущемъ курсѣ — поэтическій и научный (прозаическій). Миѳическая окраска мысли сгущается по направленію къ прошедшему и рѣдѣетъ съ ростомъ духовнаго просвѣщенія человѣчества, съ развитіемъ критики, тогда какъ возможность къ поэтическому мышленію, наоборотъ, усиливается по направленію къ настоящему. При миѳическомъ мышленіи, при томъ сос-

---

[1]) *В. Харціевъ*, L. c., стр. 367—8.

тоянія, когда текущія впечатлѣнія заполняютъ все сознаніе, мысль ползетъ черепашьимъ шагомъ и на простомъ сравненіи строитъ умозаключеніе (солнце — колесо, отсюда колесница etc.); при поэтическомъ же, когда мысль держится на вѣсу между образомъ и значеніемъ, между прежде познаннымъ и познаваемымъ, она движется громадными, захватывающими скачками. Миѳъ и поэзія въ формальномъ отношеніи — родственныя категоріи; исключеніе миѳа изъ теоріи словесности безосновательно. Миѳъ это временная, обусловленная извѣстнымъ психическимъ состояніемъ форма поэзіи. Послѣдняя отличается отъ него строгимъ различіемъ двухъ областей: познаваемаго и того, что служитъ орудіемъ познанія. Держась на высотѣ синтеза, поэзія идетъ впереди науки, такъ какъ ея обобщенія шире обобщеній научныхъ, выведенныхъ путемъ анализа; она прокладываетъ пути наукѣ.—Вслѣдъ за разборомъ элементовъ поэзіи, троповъ, А. А. всегда переходилъ къ сложнымъ формамъ поэтическихъ произведеній, представляющихъ тѣ же метафоры, синекдохи. Анализъ простыхъ и сложныхъ троповъ, въ ихъ прохожденіи сквозь призму поэтическаго, миѳическаго и научнаго мышленія, приводилъ прямо къ теоріи познанія, когда дѣло шло объ умозаключеніи въ области метафоры, метонимін и пр.— Явленія поэзіи, какъ явленія языка вообще, ставились на міровую сцену и открывали въ освѣщеніи А. А. широкій горизонтъ мысли, упорно бьющейся въ оковахъ слова, которое измѣняется безъ устали съ теченіемъ народной жизни и мысли. Строго объективный методъ профессора производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто слушатель присутствовалъ въ этой мастерской человѣческаго духа, чудеснымъ образомъ принесенной въ скромную филологическую аудиторію. И мы видѣли, какъ могущественна сила слова, сила преданія, какое важное значеніе имѣетъ эта живая связь людей и поколѣній. — Да, великое дѣло языкъ и литература, думалось каждому изъ насъ. Мы знали тели теперь, что преданія, живущія въ словѣ, связываютъ

людей въ общества гораздо крѣпче, сильнѣе, чѣмъ единство религіи, единство политическое, экономическое и т. п.—Если собрать воедино то, что давали уроки А. А. въ нравственномъ отношеніи, то въ сердцахъ бывшихъ его слушателей прежде всего выдѣлялись двѣ большія человѣческія заповѣди: объ отношеніи къ прошлому и настоящему. Первое должно быть построено по формулѣ: «отцы и дѣти». Нагота отца не должна приводить насъ къ поступку Хама... А съ другой стороны строго-объективное изученіе прошлаго въ области языка и мысли вело слушателя къ убѣжденію, что все идетъ впередъ, развивается, крѣпнетъ; что смутное предугадываніе законовъ проясняется новыми усиліями мысли; что даромъ ничто не дается: ни миѳъ, ни пѣсня, ни образцовое художественное произведеніе; что предразсудокъ и научное положеніе суть равно законные и неизбѣжные шаги мысли; что заблужденія отдѣльныхъ лицъ выравниваются въ общей работѣ мысли; что если плохи люди, велико человѣчество . . . Такъ безъ этическихъ поученій въ лекціяхъ А. А. Потебни всегда било свѣтлою струею жизненное начало, и это составляло главную заслугу дорогого учителя" [1]).

Вотъ какимъ остался незабвенный профессоръ въ памяти лицъ, слышавшихъ живое, бодрящее слово учителя въ послѣдніе годы его дѣятельности.—Не менѣе чарующее впечатлѣніе производилъ онъ и на своихъ «заочныхъ» слушателей, ученыхъ-спеціалистовъ, постигшихъ всю глубину, ширь и новизну великихъ идей Потебни. Къ сожалѣнію кругъ этихъ лицъ еще не великъ, да и не всѣ труды покойнаго получили надлежащую оцѣнку и освѣщеніе, хотя всѣ они тѣсно связаны между собою и идутъ къ рѣшенію одного коренного вопроса, исчерпывающаго все языкознаніе, — вопроса «объ отношеніи мысли къ слову».

---

[1]) *В. Харціевъ*, L. c., стр. 274—5.

Раньше другихъ поняты были и оцѣнены труды грамматическіе. Еще въ 1876 году [1]) Срезневскій обстоятельно разобралъ классическій трудъ Потебни «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (Ч. I—II. Вор. и Харьковъ 1874 г.), памѣтивъ, какъ и куда долженъ пойти Потебня въ своихъ изслѣдованіяхъ, и очертивъ характеръ и значеніе этого труда въ слѣдующихъ словахъ:

„Для уясненія строя даже этой доли языка (современно-литературнаго) наблюдатель-изслѣдователь долженъ раздвигать свой кругозоръ и въ ширь — въ область языка народнаго, и въ глубь — въ область языка временъ прошедшихъ, тамъ и тамъ при помощи языковъ иностранныхъ. Но разъ вошедши въ эти области, не можетъ уже онъ (если только не поневолѣ стѣснилъ кругъ своихъ наблюденій, или не могъ побѣдить пристрастія къ современному литературному языку, какъ къ единственному важному въ какомъ бы то ни было отношеніи) перемѣнить срединной точки своихъ наблюденій. Средину его кругозора, если не какъ ясно понимаемая дѣйствительность, то, по крайней мѣрѣ, какъ искомый образъ бывшаго и минувшаго займетъ тотъ древній языкъ, отъ котораго какъ вѣтви пошли всѣ мѣстныя нарѣчія и говоры, и который во всѣхъ своихъ вѣтвяхъ перемѣнялся и самъ по себѣ и по дѣйствію разныхъ обстоятельствъ. Книжный, общественный языкъ имъ будетъ уваженъ, какъ главный проводникъ и хранитель образованности народа; но всетаки какъ одна изъ вѣтвей, даже какъ вѣтвь отъ вѣтви, только берущая соки не отъ одной вѣтви, а отъ разныхъ, отъ самаго корня языка“. При такомъ широкомъ взглядѣ на предметъ изслѣдованія, Потебня представилъ „цѣльно и критически всеобщія явленія грамматическаго строя языка вообще, примѣнительно къ строю языка русскаго. Такого цѣльнаго филологическаго разбора строя русскаго языка у насъ еще не было“. Въ полномъ со-

[1]) Въ „Записк. Академіи Наукъ“ за 1876 г., т. 27, стр. 78—121.

гласіи съ важностью обсуждаемыхъ вопросовъ стоитъ и самый тонъ изслѣдованія. Нѣтъ здѣсь „ни суетливой поспѣшности въ пріисканіи исхода, ни позывовъ упорства стоять на своемъ, ни щеголянія новизной. Видимъ простой, покойнѣй трудъ ученаго, у котораго нѣтъ заднихъ мыслей и побужденій, кромѣ желанія узнать узнаваемое какъ можно вѣрнѣе“. Къ этому отзыву близко примыкаютъ всѣ послѣдующіе, все яснѣе и ярче опредѣляя достоинства замѣчательнаго изслѣдованія. Такъ Будиловичъ называетъ А. А. первымъ изъ занимавшихся вопросами русской и славянской филологіи, проникшимъ въ глубь синтактическихъ явленій. П. сдѣлалъ блистательную попытку „ближе опредѣлить разные типы предложенія, взаимное отношеніе и значеніе отдѣльныхъ его членовъ“; на развалинахъ разрушенной имъ системы логическаго синтаксиса, „основаннаго на ошибочномъ предположеніи о тожествѣ сужденій съ предложеніемъ, а умозаключеній съ періодомъ“, Потебня создалъ устои грамматическаго синтаксиса, „который отправляется отъ формъ даннаго языка и провѣряется данными историческаго и сравнительнаго языковѣдѣнія“ [1]). Проф. Петушилъ отмѣчаетъ въ томъ же трудѣ А. А. еще одну высокой цѣнности черту — „удивительное умѣніе вносить въ сравнительную грамматику элементы философіи языка такимъ образомъ, что одна сторона дѣла гармонически дополняетъ другую, находясь съ ней въ самой тѣсной связи. Искусное сочетаніе историко сравнительнаго и философскаго направленія, какое рѣдко встрѣчается въ исторіи языковѣдѣнія, придаетъ синтактическимъ изслѣдованіямъ проф. Потебни особый интересъ, хотя и требующій со стороны читателя серіознаго углубленія. Сочиненіе проф. Потебни останется поэтому всегда цѣннымъ, даже тогда, когда оно не будетъ единственнымъ въ своемъ родѣ, какъ до сихъ поръ“.— „Знаменитая Х-я глава «Введенія», этотъ

---

[1]) Въ „Журн. Мин. Народн. Просв.“ за 1889 г., кн. III, стр. 207.

перлъ всего сочиненія и, быть можетъ, даже всей грамматической литературы . . . , трактующая о членахъ предложенія и частяхъ рѣчи, обладаетъ . . . такими достоинствами, не только теоретическими, но и практическими, которыя одну уже ее дѣлаютъ настольной книгой, необходимой для всякаго преподавателя русскаго языка, относящагося серіозно къ своему предмету" [1]). — Остальные чисто-грамматическіе труды П. разобраны обстоятельно Б. М. Ляпуновымъ [2]), который, подраздѣляя ихъ на фонетическіе, фонетико-діалектическіе, этимологическіе, семасіологическіе и синтактическіе, спѣшитъ однако оговориться, что всѣ они составляютъ цѣлое. „Всякую форму можно разсматривать съ этимологической и синтактической точки зрѣнія . . . . Это не двѣ части грамматики, а только двѣ различныхъ точки зрѣнія на языкъ. Синтактическая точка зрѣнія — описательная, этимологическая — историческая. Какъ вещественное, такъ формальное значеніе слова можетъ быть разсматриваемо и съ той и съ другой стороны. Синтаксисъ разсматриваетъ употребленіе словъ въ данный моментъ языка и опредѣляетъ значеніе словъ изъ сочетанія ихъ съ другими; этимологія изыскиваетъ путь, которымъ языкъ дошелъ до этого значенія" [3]).— „Потебня былъ филологомъ стараго типа, изучавшимъ языкъ въ связи съ народной поэзіей, народными вѣрованіями и обрядами. Такой широтой, такимъ разнообразіемъ свѣдѣній, не обладаютъ современные ученые, которымъ приходится все больше и больше спеціализироваться. Несмотря, однако, на свою многосторонность, Потебня отличался замѣчательной глубиной; многосторонность не дѣлала его поверхностнымъ; въ этомъ сказывается его замѣчательное, изъ ряду вонъ выходя-

---

[1]) См. „Сборникъ—Памяти А. А. Потебни", с. 23—5.

[2]) „Памяти А. А. Потебни" (отт. изъ журн. „Живая Старина" за 1892 г., в. 1).

[3]) *Ляпуновъ*, „Памяти А. А. Потебни", с. 11.

щее дарованіе, такъ какъ глубина при многосторонности дается очень немногимъ“ [1]).

Итакъ, тѣсная связь между отдѣльными грамматическими трудами Потебни теперь признана всѣми, кто вдумывался и вчитывался въ эти глубоко-философскія изслѣдованія. Что же касается трудовъ по народной словесности, въ которыхъ тѣ же пріемы и тѣ же основныя мысли примѣнены къ другой почвѣ, выращиваются на другой нивѣ,—они оцѣнены еще мало и только въ недавнее время. Здѣсь дорога къ истинѣ заросла многими ползучими и цѣпкими растеніями, мѣшающими не только пройти по этой тропинкѣ, но даже и разглядѣть ея направленіе. Въ эту область до Потебни почти не пробовали идти съ орудіями чисто филологическими. Здѣсь замѣшалась миѳологія, ложно понятая, здѣсь пышно разрослась теорія литературныхъ заимствованій, занявъ въ цвѣтникѣ научныхъ методовъ при изслѣдованіи народной словесности царственное мѣсто и заглушивъ скромныя попытки иного рода. „А. А. не особенно сочувствовалъ господствующей теперь теоріи заимствованія, объясняющей многія народныя преданія и вѣрованія изъ книжныхъ источниковъ христіанскаго времени, и болѣе придерживался старой миѳологической теоріи, представители которой у насъ Аѳанасьевъ и Буслаевъ. Мнѣ пришлось слышать отъ А. А-ча 3 года назадъ слѣдующія слова: «Слишкомъ рано похоронили у насъ славянскую миѳологію; сравненіе греческихъ именъ съ санскритскими показываетъ, что уже до раздѣленія Грековъ и Индійцевъ была развитая религія. Странно было бы, если бы славяне ея не имѣли. Не гомериды создали греческую миѳологію; напротивъ, у нихъ видно уже скептическое и ироническое отношеніе къ богамъ. Умалчиваніе нашихъ лѣтописцевъ и другихъ или упоминаніе только вскользь о народныхъ вѣрованіяхъ объясняется презрительнымъ

---

[1]) L. c., c. 4.

отношеніемъ монаховъ къ этимъ вѣрованіямъ. По отсутствію данныхъ нельзя дѣлать выводъ только отрицательный. Вѣдь если бы не сохранилось „Слово о полку Игоревѣ", пожалуй кто-нибудь сдѣлалъ бы выводъ, что у славянъ не было народной поэзіи" [1]). — Въ виду указанныхъ причинъ труды Потебни, посвященные изученію народной поэзіи и обрядовъ со стороны символики и остатковъ языческихъ вѣрованій, а также — изслѣдованію народныхъ пѣсенъ со стороны лексической [2]), — остаются донынѣ неоцѣненными по достоинству. Проф. Сумцовъ попытался выдѣлить изъ этой группы труды этнографическаго характера, и, остановившись на крупнѣйшемъ изъ нихъ („Объясненіе малорусских и сродных народных пѣсен"), говоритъ: „Если бы П. ничего другого, кромѣ этихъ двухъ томовъ, не издалъ, то и этого труда, при самой строгой и придирчивой критикѣ, вполнѣ достаточно, чтобы поставить Потебню первымъ научнымъ дѣятелемъ въ малорусской этнографіи".

По мѣрѣ ознакомленія съ трудами Потебни становится съ одной стороны все яснѣе величіе этой духовной силы, съ другой—единство и цѣльность всего оставленнаго имъ наслѣдія. Съ изданіемъ въ свѣтъ трудовъ П., оставшихся въ рукописи, откроются предъ нами широкіе горизонты мысли; литературная критика и весь міръ искусства засіяютъ при свѣтѣ новыхъ глубокихъ данныхъ, раскрытыхъ при философскомъ изученіи языка; а самъ этотъ гигантъ мысли возстанетъ предъ нами во весь ростъ. Насъ окрыляетъ надежда, что въ недалекомъ будущемъ за эти идеи возьмутся публицисты, приправятъ ихъ своими толкованіями и разъясненіями; и потекутъ онѣ по всему образованному міру рукавами уже

---

[1]) *Ляпуновъ*, L. c., с. 12.

[2]) Эта сторона языка почти не тронута изслѣдователями, если не считать *Даля* („Толков. словарь") и *Максимова* „Крыл. слова".

довольно густой „мыслепроводной сѣти“ — по журналамъ и газетамъ, внося съ собою свѣтъ и ширь въ человѣческое міропониманіе, помогая исподволь отрѣшаться отъ суевѣрій, въ видѣ объективной неизмѣняющейся съ вѣками научной истины, внося новое пониманіе въ пріемы критики и отношенія къ историческому прошлому и къ духовной жизни предковъ вообще. Въ основѣ — идеи Потебни теперь уже болѣе-менѣе извѣстны, благодаря неоднократному толкованію ихъ учеными, со спеціальными цѣлями, а также появившимся въ послѣднее время работамъ, направленнымъ къ обнародованію этихъ думъ великаго ума, таившихся въ тиши кабинета.

Такъ, проф. Овсянико-Куликовскій, по главнымъ печатнымъ трудамъ, возможно обстоятельно и доступно для широкой публики, изложилъ основные взгляды Потебни [1]), охарактеризовавъ его, какъ философа языковѣда. „Вся обширная дѣятельность П. не сходила съ философской почвы и представляетъ собою строго-логическое проведеніе цѣльнаго философскаго взгляда на языкъ въ его отношеніяхъ къ мысли... Публика и не подозрѣвала, что авторъ «Къ исторіи звуковъ» и другихъ спеціальныхъ и неудобочитаемыхъ книгъ въ сущности и прежде всего философъ съ очень широкимъ основаніемъ идей, воспитавшій свой умъ, щедро одаренный отъ природы, глубокимъ изученіемъ Канта, Гербарда, В. Гумбольдта и др. и стоящій на высотѣ современной философской мысли вообще“. Въ переводѣ на ея языкъ результаты грамматическихъ изслѣдованій Потебни таковы: „Мысль человѣческая, нѣкогда представлявшая всѣ вещи и процессы

---

[1]) А. А. Потебня, какъ языковѣдъ и мыслитель“ (въ „Кіев. Стар.“ за 1893 г., VII, 30—46; VIII, 269—89; IX, 342—63).— Ср. Его же „Языкъ и искусство“. С. П. 1895 г. Ц. 20 к. (Изд. „Русск. библ.“ № 8).—Болѣе кратко, лишь для первоначальнаго ознакомленія и переправы къ трудамъ самого А. А. изложены взгляды П. въ брошюрѣ *А. Ветухова* „Языкъ, поэзія и искусство“. Х. 1894 г. ц. 25 к.).

какъ субстанціи, постепенно покидаетъ эту категорію и пріучается отливать полученныя впечатлѣнія въ форму признака и энергіи. Эта эволюція мысли, открытая Потебней, есть сокровенная пружина той невидимой метаморфозы умовъ, которая явно, исторически документально обнаруживается въ смѣнѣ міросозерцаній, въ переходѣ напр. отъ пониманія болѣзни, гнѣва, любви, какъ вещей, существъ, находящихся въ человѣкѣ, къ ихъ пониманію какъ свойствъ и процессовъ, — отъ теорій, въ силу коихъ напр. огонь или число представлялись субстанціями (— Гераклитъ, Пиѳагоръ) къ новому взгляду какъ на процессъ (огонь) или отношеніе между вещами (число). Корни сознательнаго мышленія (миѳологическаго, метафорическаго, научнаго) глубоко лежатъ въ несознаваемыхъ процессахъ языка. Воззрѣнія, вѣрованія, теоріи суть какъ бы видимыя движенія на поверхности психіи, въ сознаніи, — управляемыя незримыми движеніями, происходящими въ глубинѣ ея, въ сферѣ обыденнаго мышленія, создаваемаго языкомъ и въ немъ воплощающагося. Такъ, современное состояніе языка, характеризующееся субстанціальностью существительнаго-подлежащаго и сосредоточеніемъ предикативности въ глаголѣ, образуетъ психологическое основаніе нашего современнаго теоретическаго мышленія, отмѣченнаго въ одно и то же время характеромъ метафизичности и научности. Новая метафизика, стремясь прозрѣть сущность вещей, скрытую за *явленіями*, представляетъ собою какъ бы сосредоточеніе умственныхъ усилій въ области субстанціальности, подготовленной развитіемъ языка. Научныя направленія нашего времени, не противорѣча въ принципѣ субстанціальности вещей, образуютъ только другой полюсъ тѣхъ же умственныхъ процессовъ, сосредоточиваясь въ сферѣ признаковъ, процессовъ энергіи («явленія»). Метафизикъ мыслитъ въ направленіи, исходная точка котораго есть въ языкѣ существительное-подлежащее; ученый неметафизикъ мыслитъ въ направленіи, исходная точка котораго въ мышленіи грамматическомъ есть глаголъ-сказуемое.

Въ самой положительной наукѣ эти двѣ грамматическія категоріи лежать въ основѣ понятій причины и слѣдствія, матеріи и силы. Развитіе понятія *силы* насчетъ понятія матеріи, наблюдаемое въ современномъ научномъ мышленіи, имѣетъ свои психологическіе устои въ эволюціи новыхъ языковъ въ направленіи все большей глагольности предложенія. На тѣхъ же устояхъ зиждется и поворотъ въ мышленіи явленій психическихъ, начиная съ *языка*,— переходъ отъ идеи ихъ субстанціальности къ воззрѣнію на нихъ, какъ на процессы или силы" [1]).

Къ этому интересному изслѣдованію Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и отсылаемъ тѣхъ, кто хотѣлъ бы познакомиться въ общихъ чертахъ съ трудами покойнаго Потебни, выходящими далеко за предѣлы своего времени и потому трудно понимаемыми безъ предварительной подготовки къ чтенію ихъ. А для тѣхъ, кто будетъ увлеченъ, захваченъ волнами могучей мысли А. А., прилагаемъ списокъ его трудовъ, изслѣдованій, посвященныхъ оцѣнкѣ послѣднихъ, и статей, способствующихъ пониманію и вростанію въ жизнь идей покойнаго.

Въ заключеніе выразимъ еще разъ горячее желаніе, чтобы тѣмъ или инымъ путемъ число знакомыхъ съ этимъ многодумнымъ, многостороннимъ и глубокимъ мыслителемъ все возрастало. Кто только поборетъ первыя трудности на пути къ этому знакомству, тотъ, мы увѣрены, не скоро забудетъ великія истины, завѣщанныя А. А. Вѣдь для него умственные труды были дѣломъ жизни: онъ говорилъ только о томъ, что переживалъ, потому всякая статья его, всякая замѣтка носитъ на себѣ отраженіе его міросозерцанія — цѣльнаго, стройнаго и оптимистически-здороваго. Научное творчество Потебни было истиннымъ творчествомъ, съ его восторгами, сомнѣніями, терзаніями и муками. При знакомствѣ съ общимъ міропониманіемъ П. видишь въ каждомъ его произведеніи отвѣтъ на мучившій его вопросъ,— отвѣтъ интересный не

---

[1]) *Овсянико-Куликовскій*, Op. cit., IX, 358—9.

только какъ рѣшеніе вопроса, но и какъ путеводная нить, куда и какъ итти, рѣшая извѣстный вопросъ вообще. — Да, это поистинѣ была геніальная художественная натура, изъ которой на почвѣ поэтическаго творчества выросъ бы первоклассный художникъ, передъ которымъ проклонялась бы многотысячная толпа, но который, волею судебъ, попалъ въ другую, широкую, но пока еще подпочвенную, струю мысли, въ область науки самой чистой, самой высокой, обладающей всѣми прелестями своей старшей сестры — поэзіи, но надѣленной еще непонятыми, таящимися въ глуби ея красотами.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А.) Списокъ печатныхъ трудовъ А. А. Потебни, съ попутными указаніями главнѣйшихъ рецензій о нихъ и популярныхъ статей на тѣ же темы [1]):

1) „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“. Х. 1860 г.

2) „Мысль и языкъ“ (изъ Ж. М. Н. Пр., ч. CXIII—CXIV, отд. II-й). С.-П. 1862 г. Второе изданіе (съ портретомъ Потебни и предисловіемъ М. С. Дринова). Х. 1892 г. Ц. 2 р. *)

3) Два отчета о научныхъ занятіяхъ Потебни за границей и 2 письма его изъ Берлина. (См. Ж. М. Н. П. 1862—3 гг.).

4) „О связи нѣкоторыхъ представленій въ языкѣ“. Ворон. 1864 г. (Изъ „Филологич. Записокъ“, 1864 г., т. III, в. 3-й, с. 137—69).

5) „О полногласіи“. Ворон. 1864 г. (Изъ Ф. Зап. 1864 г., т. III—V, с. 201—52).

---

[1]) При составленіи этого списка мы воспользовались прекрасной статьей Э. А. Вольтера „Библіографическіе матеріалы для біографіи А. А. Потебни“. С.-П. 1892 г., а также указаніями у проф. Сумцова и др.

*) Такимъ знакомъ будутъ отмѣчены труды Потебни, имѣющіеся въ продажѣ.

6) „Замѣтка на замѣтку Спяткова «О Кикѣ»". Вор. 1865 г. (Изъ Ф. З., в. 1-й, с. 92—4).

7) „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій". М. 1865 г. (Изъ „Чтеній Импер. Общ. Исторіи и Древн. Р. за 1865 г., кн. 2—4.—Разборъ этого изслѣдованія сдѣланъ *П. Лавровскимъ* въ томъ же изданіи за 1866 г., отд. V, кн. 2, с. 1—102.

8) „О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій. Съ приложеніемъ образцовъ менѣе извѣстныхъ малорусскихъ говоровъ". (См. „Филолог. Зап." 1865 г., т. IV, в. 1—3-й).

9) „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. I О полногласіи. II О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій". Вороп. 1866 г. — Отзывы см.: а) въ „Сборникѣ мнѣній Ученаго Комитета М. Н. П." С.-П. 1869 г., с. 58—9; б) у *Ягича* „Die Umlautserscheinung bei den Vocalen *e, ê, ę* in *den* slav. Sprachen" (Arch. f. Slav. Phil., т. V, с. 559—60, 568, 571, 575); в) у *Е. Карскаго* „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи". М. 1885 г., с. 156—60; г) у *В. Качановскаго* „Объ историческомъ изученіи русскаго языка". Казань. 1887 г., с. 13; д) у *М. Дикарева* „Воронежск. Этнограф. Сборникъ" за 1891 годъ, с. 2 и въ друг. мѣст.).

10) „О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ". М. 1867 г. (Отт. изъ „Древности. Труды М. Арх. Общ.", т. I, в. II, с. 153—96).

11) „Къ статьѣ г. Афанасьева «Для археологіи русскаго быта»". М. 1867 г. (См. „Древности . . . .", т. I, в. 2-й, с. 227—42).

12) „О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ". М. 1867 г. (См. „Древности" за май—іюнь, с. 97—106, іюль—августъ, с. 145—53).

13) „Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака". (Отт. изъ „Древностей" за 1868 г., XI—XII, с. 254—66).

14) „Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи". Вор. 1871 г. (См. „Филол. Зап." за 1870 годъ). — Въ VIII т. „Сбор-

ника Акад. Наукъ", на с. XXI-й, находимъ объ этомъ изслѣдованіи такой отзывъ *Срезневскаго:* „Это изслѣдованіе представляетъ очень подробное разсмотрѣніе характеристичныхъ чертъ малорусскаго выговора и употребленія звуковъ, насколько возможно историческое, начиная съ XII—XIII в., и вмѣстѣ сравнительное. Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ трудовъ нашего времени".

15) „Изъ записокъ по русской грамматикѣ".— I.— Введеніе". Ворон., 1874 г. (См. „Филол. Зап." 1873 г., т. XII, вв. IV и VI).—II „Составные члены предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ". Х. 1874 г. (См. „Записки Импер. Харьк. Университета"). Второе изданіе этого классическаго труда было еще при жизни автора. Х. 1888 г. Ц. 4 р. 50 к. * — Отзывовъ о немъ и статей, вызванныхъ имъ, очень много:

а) *Срезневскаго* — въ Ж. М. Н. Пр. за 1876 годъ, т. 184, № 3, с. 1—13) и въ „Запискахъ Акад. Наукъ" за 1876 г., т. XXVII, с. 78—121;

б) *Ягича*—въ „Arch. f. Sl. Phil." за 1876 г., т. II, с. 164—8;

в) *А. Попова* [1]) „Синтаксическія изслѣдованія"... I. Вор. 1881 г. (с. 58, 85 и во мн. др. мѣстахъ);

г) *А. Дмитріевскаго:* 1) „Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ". Вор. 1878 г. и 2) „Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго". Вор. 1879 г.

д) *Преображенскаго:* „Краткій синтаксисъ русскаго языка". М. 1881. (По ученію Потебни здѣсь изложены лишь общія понятія о подлежащемъ, сказуемомъ и управленіи словъ);

е) *Н. Баталина:* „Русскій синтаксисъ на основаніи изслѣдованій гг. Потебни, Миклошича и Гейзе — для средн.-уч. заведеній". М. 1883 г. (Изъ однородныхъ это—

---

[1]) Въ концѣ этого сочиненія находимъ біографію г. Попова, одного изъ талантливыхъ, — къ сожалѣнію рано отошедшаго, — учениковъ Потебни, написанную любящимъ профессоромъ; переп. изъ „Русск. Филол. Вѣстн.".

лучшій трудъ по степени усвоенія идей Потебни и доступности изложенія);

ж) *И. В. Нетушила:* „Этюды и матеріалы для научнаго изученія латинскаго синтаксиса. Т. II.— О падежахъ". Х. 1885 г., с. 85 и д.;

з) *А. Будиловича* — въ Ж. М. Н. Пр. за 1889 г., III, с. 206—10;

и) *В. Ламанскаго* — въ Ж. М. Н. Пр. за 1893 г., I, с. 62—8;

і) *В. Харціева:* „О преподаваніи грамматики русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи" (См. „Труды Педагогическаго Отдѣла Х. Ист.-Фил. Общества" за 1894 годъ (в. 2-й);

й) *И. Стефановскаго:* „Къ вопросу о грамматическомъ разборѣ на урокахъ русскаго языка въ ср.-учебн. заведеніяхъ". (См. „Труды Пед. Отд.", в. 2-й, с. 60—9);

к) *С. Новицкаго:* „Путь къ обновленію школьной грамматики" (L. c., с. 70—99);

л) *И. Стефановскаго:* „Къ вопросу о граммат. разб. на урок. русск. яз. въ ср.-уч. заведеніяхъ. II. Объ обстоятельныхъ словахъ". (См. „Труды Пед. Отд.", в. 3-й, с. 135—41. — Х. 1896 г.);

м) *В. Яковлева:* „Изъ записокъ по русской грамматикѣ А. А. Потебни". (См. „Педагогическій Сборникъ..." за 1896 г., т. III, с. 297—312, 361—75, 474—95).

16) „Замѣтки по исторической грамматикѣ русскаго языка". (См. Ж. М. Н. П. за 1873 г., Х и за 1877 г., III, IV и X).

17) „Орѳографическая замѣтка" (О слитномъ употребленіи отрицанія *не* съ глаголами). (См. Филол. Зап. за 1875 г., в. VI, с. 8—9. — Отзывъ редакціи по этому вопросу см. тамъ же, с. 9—10).

18) „Грамматическія замѣчанія по поводу сочиненій М. Колосова и Л. Гейтлера". (См. Филол. Зап. за 1875 годъ, в. I, IV—VI).

19) „Къ исторіи звуковъ русскаго языка". Ворон. 1876 г. (См. Филол. Зап. за 1876 г., в. I—III).

20) „Малорусская народная пѣсня по списку XVI вѣка. — Текстъ и примѣчанія". Вор. 1877 г. (См. Филол. Зап. за 1877 г., в. II).

21) Рецензія на сочиненіе П. Житецкаго «Очеркъ звуков. ист. малор. нарѣчія». К. 1876 г. (См. Ж. М. Н. Пр. за 1877 г., XII, с. 834. — Болѣе подробный разборъ этого сочиненія помѣщенъ Потебней въ „Зап. Акад. Наукъ", т. 38, с. 764—839.

22) „Слово о полку Игоревѣ. — Текстъ и примѣчанія". Ворон. 1878 г. (См. Фил. зап. за 1877—8 г.).

23) Изъ письма Потебни къ Ягичу относительно казацкой думы о Богданѣ Хмельницкомъ. (См. Arch. f. Sl. Phil., III, 219).

24) „Ueber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus". (См. Arch. f. Sl. Phil., т. III, с. 358—81, 594—614). Berlin 1878—9.

25) „Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwert der Slavischen Nosalvocale" (въ Arch. f. Sl. Phil., т. III, с. 614—20). Berlin 1879 г.

26) „Къ исторіи звуковъ русскаго языка. II. Этимологическія и другія замѣтки". Варш. 1880 г. (Изъ „Русск. Фил. Вѣстника" [1]) за 1879 г.).

27) „Рецензія на сборникъ „Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси" Я. Ѳ. Головацкаго. С.-П. 1880 г. (См. „Записки Академіи Наукъ", т. 37, прил. № 4а, с. 64—152).

28) „К исторіи звуков русскаго языка. III. Этимологическія и другія замѣтки". Варш. 1881 г. (См. „Русск. Фил. Вѣстн." за 1880 г.).

29) Некрологъ проф. А. М. Колосова. (См. газету „Южный Край" за 1881 г., № 28, отъ 29 января).

30) Рефератъ, посвященный разбору мыслей Достоевскаго о „Народной правдѣ" (въ «Дневникѣ писателя»),

---

[1]) Журналъ этотъ былъ основанъ въ 1879 г., по иниціативѣ и совѣту Потебни, его ученикомъ Колосовымъ.

прочит. въ засѣданіи Харьк. И.-Ф. Общества 11 февраля 1881 г. (Замѣтку объ этомъ рефератѣ см. въ „Харьк. Вѣдом.“ за 1881 г., № 41, отъ 13 февраля).

31) „К исторіи звуков русскаго языка. IV. Этимологическія и другія замѣтки“. Варш. 1883 г. (См. „Русск. Филол. Вѣст.“ за 1883 г.).

32) „Объясненія малорусских и сродных народных пѣсен“ [1]). I. Варш. 1883 г. (См. „Русск. Фил. Вѣстн.“ за 1883 г.). II. „Колядки и щедровки“. Варш. 1887 г. (См. Русск. Фил. Вѣстн.“ за 1887 г.) *. Цѣна за 2 т. 7 руб. Отзывы и замѣтки объ этомъ трудѣ: а) *Неймана* въ Кіевск. Стар. за 1884 г., т. IV. — б) *И. Франка* въ польс. журналѣ „Kwartalnik historyczny“ за 1888 г., с. 452—4.—в) *Э. Вольтера* въ Arch. f. Sl. Phil., т. VII, с. 629—39. — г) *Н. Сумцова* „Современная малорусская этнографія“. Кіевъ 1893 г., с. 44—71. (Ср. Кіевск. Стар. за 1892 г., кн. IV, с. 22 и сл.). — д) *Н. С.* „Научное изученіе колядокъ и щедровокъ“, с. 8, 18.

33) Сочиненія Г. Ѳ. Квитки-Основъяненка, изд. подъ ред. Потебни. Т. I—IV. — Харьковъ. 1887—90 гг. *

34) Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Потебни. (См. Кіевск. Стар. за 1888 г., т. XXI, с. 184—208). *

35) „Значенія множественнаго числа въ русскомъ языкѣ“. Ворон. 1888 г. (См. Филол. Зап. за 1888 г.).— Срв. у проф. Нетушила „Этюды и матеріалы для научнаго синтаксиса латинскаго языка“. Т. III, в. 1, с. 39. Х. 1889 г.

36) „Степови думы та спивы“ Ив. Манджуры подъ ред. Потебни. 1889 г.

37) „Малорусскіе домашніе лѣчебники XVII вѣка“.

---

[1]) Предисловіемъ къ этому изслѣдованію можетъ служить рецензія Потебни о Сборникѣ Головацкаго (см. № 27), с. 38—40, — о необходимости формальнаго основанія для дѣленія пѣсенъ.

(См. Кіевск. Стар. 1890 г., т. 28). (Срв. — ib., т. 30, с. 155—9 — статью Степовича).

38) „Сказки, пословицы и т. п.“ запис. И. И. Манджурой, изд. подъ ред. Потебни. (См. „Сборникъ Х. И.-Ф. Общества“, т. II, 1890 г., с. 1—190).

39) „Этимологическія замѣтки“ (См. „Живая Старина“ за 1891 г. (в. III), с. 117—28).

40) „Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня, пословица, поговорка“. (Съ предисловіемъ В. И. Харціева). Х. 1894 г. * Ц. 1 р. 35 к. — Это — „небольшой частный курсъ“, изданный по запискамъ „одной изъ слушательницъ, съ небольшими поправками по черновымъ наброскамъ самого профессора“. (Изъ Предисловія, с. 1).

41) „Языкъ и народность“ (статья, возстановленная по черновымъ бумагамъ покойнаго профессора близкими къ нему лицами) — напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1895 г., кн. IX, с. 5–37.

42) Отзывъ о сочиненіи А. Соболевскаго «Очерки изъ исторіи русскаго языка. Ч. I. Кіевъ 1884 г.» С.-Пб. 1896 г. (Отт. изъ „Извѣстій Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“ т. I (1896 г.), кн. 4-я, с. 804—31.— Здѣсь среди мелкихъ частныхъ замѣчаній находимъ общія методологическія указанія и замѣтки философскаго характера: „Авторъ (—Соболевскій—), повидимому недопускаетъ спорадическихъ звуковыхъ явленій, условія возникновенія коихъ встрѣчаются не во всей массѣ словъ, а лишь въ тѣсной ихъ группѣ и поэтому познаются съ большимъ трудомъ. Разъ мы убѣдимся въ возможности существованія такихъ условій, мы остережемся заключать отъ неизвѣстности къ ихъ отсутствію“ (с. 20-я). — „Въ языкахъ, какъ и другихъ областяхъ жизни считаю дѣйствительными явленія столь индивидуальныя, что всей совокупности ихъ условій нельзя найти нигдѣ, кромѣ ихъ самихъ“ (с. 21-я).—„Законность въ природѣ есть постоянный образъ явленій при опредѣленныхъ условіяхъ, такъ что при измѣненіи условій измѣняется и образъ явленій.

Познаніе законности есть стремленіе къ возможному для насъ познанію полноты условій" (с. 5-я).

Б.) Списокъ трудовъ Потебни, остающихся ненапечатанными [1]:

1) „Первые годы войны Хмельницкаго" (кандидатское сочиненіе, написанное въ 1856 году).

2) Отвѣтъ П. Лавровскому на его разборъ диссертаціи «О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ».

3) Отзывъ о литовско-русскомъ словарѣ братьевъ Юшкевичей.

4) Публичная лекція «О значеніи Квитки-Основьяненка, южнорусскаго писателя", прочитанная 18 ноября 1878 г. (Замѣтку о ней см. въ „Харьк. Вѣдом." за тотъ же годъ отъ 19 ноября).

5) „Некрологъ П. А. Лавровскаго". (См. „Протоколы засѣданій Х. И.-Ф. Общества" за 1885 г.).

6) „Изъ записокъ по русской грамматикѣ. III. Объ измѣненіи значеній и замѣнахъ существительнаго". [Первообразна ли отвлеченность существительныхъ качества. Происхожденіе прилагательныхъ; согласованіе прилагательныхъ; согласованіе именъ въ степени уменьшительности. Происхожденіе разрядовъ существительныхъ. Грамматическій родъ и его роль въ выработкѣ категорій существительнаго; вытѣсненіе существительнаго объективными и вербальными оборотами. Устраненіе субстанціальности предикативнаго имени посредствомъ субъективныхъ и безсубъектныхъ оборотовъ. Разборъ безсубъектныхъ выраженій.— Формальные (синтактическіе) признаки кон-

---

[1]) Особую статью (*В. Харціева*, „Посмертные матеріалы А. А. Потебни"), посвященную этому вопросу, см. въ „Сборникѣ Х. И.-ф. Общества" за 1892 г., с. 75—87.

кретности существительнаго: тождесловіе и сочетаніе синонимовъ].

7) Матеріалы и замѣтки по теоріи словесности. [Параллель между словомъ и сложнымъ поэтическимъ произведеніемъ. Опредѣленіе поэзіи. Значеніе поэтическаго произведенія для автора и для публики. О видахъ поэтической иносказательности. Поэзія и проза, какъ два вида мышленія. Народная поэзія. — Замѣтки о сравнительной миѳологіи. — Теорія миѳа въ его отношеніи къ поэзіи. Миѳическое воззрѣніе на вдохновеніе. Пріемы миѳическаго мышленія при анализѣ понятій причинности. — Опредѣленіе миѳа. Разграниченіе поэтическаго и миѳическаго мышленія. Анализъ миѳа есть исторія миѳическаго міросозерцанія. — Объ эвфемизмѣ. — О формахъ поэтической иносказательности. Тропы и фигуры.].

8) Матеріалы для малорусскаго словаря и вообще этимологическаго словаря русскаго языка.

9) Переводъ нѣкоторыхъ пѣсенъ Одиссеи на малорусскій языкъ размѣромъ подлинника.

Объ остальныхъ, оставшихся въ рукописи, трудахъ покойнаго профессора находимъ у Харціева слѣдующую замѣтку: „Въ 7 папкахъ находятся тѣ матеріалы изъ области русскаго языкознанія, которые покойный не спѣшилъ обнародовать. Въ первой изъ нихъ находится склоненіе существительныхъ, прилагательныхъ, замѣтки по изслѣдованію о членѣ въ русскомъ и прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и объ именныхъ суффиксахъ. Категоріямъ родительнаго падежа, мѣстоименію, частицамъ, союзу (объ излишествѣ союзовъ), превращенію мѣстоименія въ союзъ и нарѣчіе, предлогу — посвящены замѣтки во 2-й папкѣ. Третья заключаетъ въ себѣ матеріалы объ удареніи въ именахъ — по склоненіямъ, въ глаголахъ — по разрядамъ и формамъ, о вліяніи предлоговъ на удареніе и пр. Отдѣлъ объ удареніяхъ находится въ болѣе обработанномъ видѣ, чѣмъ другіе. — Въ 4-хъ папкахъ собраны матеріалы о глаголѣ, которые должны были, повидимому, лечь въ основу 4-й части записокъ по грам-

матикѣ, какъ и первыя три [1]. — Двѣ папки посвящены народной поэзіи, народно-поэтическимъ и миѳическимъ образамъ.—Еще одна папка заключаетъ въ себѣ слѣдующіе интересные наброски: „Объ изученіи иностранныхъ языковъ" (по поводу Тютчева), съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о народности; „О задачахъ языкознанія, о важномъ значеніи русскаго языка" — конспектъ вступительной лекціи 1881—2 гг.; „Языкъ и задачи языкознанія" — болѣе новыя замѣтки; „Объ искусственномъ языкѣ" — по поводу статьи Макса Мюллера въ Deutsche Rundschau; „О націонализмѣ" — по поводу статьи Рюдигера въ Zeits. f. Volksps.; „Замѣтки о томъ же" — по поводу книги Данилевскаго «Россія и Европа»; „Объ Одоевскомъ"—конспектъ реферата; „О Дневникѣ писателя"— тоже; „О литературномъ письменномъ общерусскомъ языкѣ"; „О заповѣди «чти отца твоего» въ примѣненіи къ дѣятелямъ слова" [2]. Кромѣ того, среди остальныхъ многочисленныхъ бумагъ покойнаго — конспектовъ лекцій, черновыхъ набросковъ, обрывковъ „научнаго дневника" съ замѣтками и выписками изъ читанныхъ книгъ, замѣчаній по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ и пр., — находимъ замѣтки и общаго характера, напр. о пессимизмѣ, объ отношеніи къ прошлому, о методѣ изслѣдованія, о Л. Толстомъ (его послѣднихъ сочиненіяхъ) и друг. — Весь этотъ громадный и интересный матеріалъ ждетъ издателя съ надлежащей подготовкой, готоваго отдаться этому дѣлу съ любовью, полнымъ вниманіемъ и глубокимъ уваженіемъ къ покойному профессору и его великому наслѣдію.

---

[1] „Посмертные матеріалы А. А. Потебни" (въ „Сборникѣ Х. И.-Ф. Общ." за 1892 г.), с. 85.

[2] *Харціевъ*, L. c., c. 86.

В.) Обзоръ статей, посвященныхъ памяти А. А. Потебни, разбору и оцѣнкѣ его научной дѣятельности:

1) *„Памяти А. А. Потебни“.* Сборникъ, изданный Х. И.-Ф. Обществомъ. Харьковъ. 1892 г. [Съ портретомъ Потебни. Цѣна 1 руб. [1]). (Отт. изъ „Сборника Ф. И.-Ф. Общества“ за 1892 г., т. 4), с. 1—90]:

Изъ протоколовъ засѣданій И.-Ф. Общества 29 ноября 1891 г. и 12 марта 1892 г.—Похороны. Рѣчи при погребеніи. Телеграммы.— Статьи *Н. Ѳ. Сумцова* [а) въ Харьк. Вѣдом. за 1892 годъ, № 310 и б) въ Cesky lid, 1892 г., III, 314].—Статья *М. Е. Халанскаго* (изъ Рус. Филол. Вѣстн. за 1891 г., IV, с. 257—60). — Статья *А. Горнфельда* (изъ Харьк. Вѣд., 1891 г., № 335). — Ст. *Д. И. Багалѣя* (изъ Харьк. Вѣд. 1892 г., № 54).— Ст. *И. В. Нетушила*—1889 г. — Ст. *Б. М. Ляпунова* (изъ Жив. Стар. за 1891 г., в. 1).—Ст. *В. И. Ламанскаго* (изъ Ж. М. Н. П. за 1892 г., № 1, с. 55—72).— Ст. *А. С. Будиловича* (изъ Славянск. Обозр. за 1892 г., I).—Ст. *И. В. Ягича* (изъ Arch. f. Sl. Phil., XIV, 3, 480. — Замѣтка о сочиненіи А. А. Потебни «Мысль и языкъ»).—Статьи *Л. Ю. Шепелевича* [а) изъ ж. Wisła, 1892 г., № I, с. 260 и б) изъ газ. Новоросс. Телеграфъ, 1892 г., № 5301]. — Некрологи Потебни [а) изъ газ. Зори, 1892 г., № 2 и б) изъ Revue de tradit. populaires, 1892 г., I, 59—60. — *В. И. Харцієва* „Посмертные матеріалы А. А. Потебни“.—*Н. Ѳ. Сумцова* „Списокъ печатныхъ сочиненій А. А. Потебни и отзывовъ о нихъ“.

2) *Ф. Толль* „Необходимое дополнительное приложеніе къ Настольному Словарю“. (Краткая замѣтка „Александръ Потебня“). С.-П. 1866 г., с. 403 (1219).

3) *И. И. Срезневскій* а) „Отчетъ о присужденіи Ломоносовской премін“, чит. въ засѣд. Импер. Акад. На-

[1]) Рецензіи на этотъ сборникъ см. 1) въ „Книжн. Вѣстн.“ за 1892 г., VIII, 330 и 2) въ „Вѣстн. Европы“ за 1892 г., IX, 397—402.

укъ 29 дек. 1875 г.; б) „Записка о трудахъ проф. А. А. Потебни, представл. во 2-е Отдѣл. Акад. Наукъ" (См. Записки Импер. Ак. Наукъ, т. 27, кн. I, 1876 г., с. 93—121; Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. 18, с. 74—117, — отд. отт. С.-П. 1878 г.; Журн. М. Н. Пр., 1876 г., ч. 184, отд. Современная Лѣтопись, с. 1—13).

4) *А. Котляревскій* „Древняя русская письменность. Опытъ библіологическаго изложенія исторіи ея изученія". Ворон. 1881 г., § 65, с. 168—70 („Изслѣдованія по исторіи русскаго языка А. А. Потебни").

5) *А. А. Кочубинскій* „Итоги славянской и русской филологіи"... Одесса 1882 г., с. 22—4, 174 и др.

6) *Н. С.(умцовъ)* „По поводу 30-лѣтія служебной дѣятельности проф. А. А. Потебни". (См. Кіевск. Стар., 1887 г., VI—VII, с. 567—72).

7) *В. И. Ламанскій* „Отзывъ объ этнографическихъ и лингвистическихъ трудахъ проф. А. А. Потебни". (См. „Отчетъ Имп. Русск. Геогр. Общества за 1890 годъ". С.-П. 1891 г., с. 19—27).

8) *В. Д. Спасовичъ* и *А. Н. Пыпинъ* „Исторія славянскихъ литературъ". Т. I—II. Изд. 2-е. 1879—81 гг., с. 20, 308, 311, 351, 390, 993 и друг.

9) *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* „Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ" за 1891 г., с. 129—34.

10) *М. Е. Халанскій* Некрологъ и краткая біографія Потебни въ Харьк. Вѣд. за 1891 г. 1 дек. (переп. въ Жив. Стар. за 1892 г., в. I, с. 150).

11) *(Черняевъ)* „Некрологъ и краткая біографія Потебни" въ Южн. Краѣ за 1891 г., въ декабрѣ.

12) *П....* въ газ. Русскія Вѣдомости 1891 г., 3 декабря.

13) *Д. (Языковъ)* въ газ. Московскія Вѣдомости, 1891 г., 1 декабря.

14) *Н. Ѳ. Сумцовъ* а) „Некрологъ А. А. Потебни" въ Этногр. Обозрѣніи за 1892 г., I, с. 179—81; б) „Со-

временная малорусская этнографія" (см. Кіевская Старина за 1892 годъ (кн. 1—5), т. 36, с. 1—10, 206—25, 409—23; т. 37, с. 22—36, 176—92.

15) *N* . . . . . Некрологъ А. А. Потебни въ Филол. Зап. за 1892 г., в. I, с. 1—7.

16) *Николай Бакай* „Памяти проф. А. А. Потебни" (См. газ. Сибирскій Вѣстникъ за 1892 г., № 7, с. 2).

17) *В. И. Харціевъ* „Воспоминанія объ А. А. Потебнѣ" (См. Славянск. Обозр. 1892 г., т. II, с. 120—36, 264—76, №№ 5—8).

18) *E. W* . . . . Краткое извѣстіе о смерти А. Потебни и обзоръ его работъ по славяно-литовской грамматикѣ и этнографіи—см. въ латышской газетѣ «Deenas Lapa» за 1892 г., № 46.

19) *П. В. Владиміровъ*—Обширное сообщеніе о дѣятельности Потебни, прочитанное въ засѣданіи Кіевскаго Историческаго Общества Нестора Лѣтописца 3 февраля 1892 г. [1]).

Кромѣ того мелкія замѣтки помѣщены были въ газетахъ: Новомъ Времени, Недѣлѣ, Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, Варшавскомъ Дневникѣ и др.

---

[1]) См. Замѣтку объ этомъ въ „Сборникѣ Х. И.-ф. Общ." т. 4, с. 74.

4.01

Того же автора:

1) „Народныя колыбельныя пѣсни". М. 1892 г. Ц.

2) „Янъ Амосъ Коменскій". Харьк. 1893 г. Ц. 10

3) „Говоры слободъ Бахмутовки и Новой-Айдари -бѣльск. у. Харьк. губ." (южно-влкрс.). Варш. 1893 г. Ц.

4) „Говоръ слободы Алексѣевки Староб. у. Харьк." (млрс.). Варш. 1895 г. Ц. 10 к.

5) „Д. В. Аверкіевъ «О драмѣ»". Харьк. 1894 г. Ц.

6) „Языкъ, поэзія и наука". Харьк. 1894 г. Ц. 25

7) „Основные вопросы литературной критики". Х. 1896 г. Ц. 20 к.

8) „Какъ возвращаютъ глухонѣмымъ даръ рѣчи и сл. Харьк. 1897 г. Ц. 10 к.

9) „А. А. Потебня". Варшава. 1898 г. Ц. 50 к.

Получать можно отъ автора (Харьковъ, Моровиновскій ., № 25-й), а №№ 6—9 и въ лучшихъ книжныхъ магазина